
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (2291)

29 МАЯ 1971

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Этот снимок сделан в американском городе Сиэтле у конторы местного благотворительного общества. Малыш держит в руках знамя Америки, на котором взрослые написали о голоде в Сиэтле. Правительство резко сократило пособия пятнадцати тысячам семей из этого города. И среди них была семья этого маленького американского гражданина.

Голод, болезни и безграмотность — вот что всего тринадцать лет назад могло быть уделом этих ребят. А ныне детвора Гвинейской Республики получила возможность учиться на родном языке.

ТВОИ ДЕТИ, ЗЕМЛЯ

Человек родился. Нас приводит в трепет первый крик малыша. Нам больно, когда, делая первые шаги, он, спотыкаясь, падает. Человек растет... Мы гордимся, провожая его первый раз в школу, и мечтаем о его будущем. Обязательно о счастливом будущем. И повсюду на планете Земля движение нашего сердца, боль и радость его знакомы миллионам отцов и матерей.

Вглядитесь в лица этих ребятишек. Их детские судьбы неотделимы от судеб взрослых.

Фото «Ди Пресса» — АПН, «Дейли уорлд», ТАСС.

Эти юные итальянцы живут в трущобах Рима. Вместе с матерями они стали участниками демонстрации, потребовавшей покончить с жилищным кризисом.

◀ Москвичка Анечка Недачина.
Фото Л. Бородулина.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНИЗМА

25 мая в Праге начал работу XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Съезд проходит в дни, когда коммунисты, весь народ Чехословакии, братские коммунистические и рабочие партии отмечают славное пятидесятилетие КПЧ.

По приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии на XIV съезд КПЧ прибыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В составе делегации — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома КПСС В. В. Гришин, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, первый секретарь Свердловского обкома КПСС Я. П. Рябов, член ЦК КПСС, посол СССР в ЧССР С. В. Червоненко.

В празднично убранном зале Дворца съездов собралось более 1 200 делегатов — представителей более чем миллионной армии чехословацких коммунистов. Над сценой слова призыва: «Ленинским путем к новому расцвету нашей социалистической родины!».

В президиуме съезда Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак и другие руководители КПЧ, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, главы делегаций ряда коммунистических и рабочих партий.

Делегаты и гости съезда бурными, продолжительными аплодисментами приветствовали руководителей КПЧ, делегации братских партий.

Заседание открыл член Президиума ЦК КПЧ, Президент ЧССР Л. Свобода.

С отчетным докладом ЦК КПЧ выступил Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак.

На снимке: в президиуме съезда во время открытия (слева направо) В. Биляк, Э. Хонеккер, Л. Штроугал, Л. И. Брежнев, Г. Гусак, Л. Свобода.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

Прием Л. И. Брежневым Премьер-Министра Канады П. Э. Трюдо.

Фото А. Пахомова.

13 ИЮНЯ — ДЕНЬ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЕ СОВЕТЫ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ.

АСТА НАЙРИСМЯГИ И ДРУГИЕ

Н. ТОЛБАСТ

Жителей здесь 3 718 человек. Живут они в двух поселках — Раазину и Арукюла, а еще на хуторах. И все это вместе составляет сельсовет Раазину. Занимаются тут земледелием: на территории сельсовета находятся колхоз Арукюла и два отделения совхоза. Индустрией тоже занимаются — в Раазину есть интересный завод с прозаическим названием «Опытно-ремонтный», а продукция у него редкостная, выполняется по заказам московского научно-исследовательского тракторного института. Определенные виды стендов для испытания электромоторов делаются только здесь и отправляются из Раазину даже на Колыму и на Камчатку. Есть еще шерстепрядильная фабрика, тоже выпускает дефицитные вещи: перовые подушки и валенки — черные для взрослых, зеленые, синие и красные — для ребятишек. Хлебозавод обслуживает несколько сельсоветов. Хлеб своим вкусом и легкостью выгодно отличается от продукции, например, Таллинского хлебокомбината.

Когда управление делами Совета Министров ЭССР и республиканский комитет профсоюза государственных служащих подвели итоги социалистического соревнования между всеми 235 сельсоветами республики, оказалось, что по всем видам работы Раазикуский сельсовет лучший. Из столицы пришла соответствующая бумага, где, кроме этой новости, содержались и другие: сельсовет Раазику награждается переходящим Красным знаменем и получает премию — автомобиль «Москвич-408» и 1 500 рублей.

Аста Найрисмяги, председатель сельсовета, конечно, очень рада, но в то же время и смущена.

— Деньги и автомобиль нам очень кстати. Ведь наше «государство в государстве» не такое уж маленькое — двести квадратных километров,— говорит она,— на автомобиле-то больше успеешь, чем на велосипеде.

Прислоненный к стене сельсовета велосипед Асты красноречиво свидетельствует о том, что она его не щадит и именно на велосипеде успевает всюду, куда надо.

Вскоре в сельсовет прибыла — тоже на велосипеде — фельдшер-санитар Вайке Альясмяэ.

— В соревновании сельсоветов важным считается благоустройство, чистота и вообще хорошее санитарное состояние поселков и хуторов,— предупредила нас Аста,— а уж в этом деле равных нашей Вайке, пожалуй, и не сыщешь.

По мере того, как Аста и Вайке объезжали улицы Раазину, лицо Вайке смягчалось и ее настроение круто поднималось: кругом все сияло чистотой. Прошлогодняя трава во дворах была выдрана граблями, пробивалась новая, цвели первые крокусы и садовые подснежники. По улицам струился вкусный горьковатый дымок костра — это сжигали во дворах прошлогодние листья и ветки. Во дворах зеленели туи, на сирени и декоративной калине набухали крупные почки. Новенькие дома чистейшими стеклами ловили небесную голубизну и позолоту.

Потом мы отправились на опытно-ремонтный завод, который располагается на территории бывшей Раазикуской помещичьей мызы. Развалины имения, сожженного крестьянами еще в 1905 году, являют весьма живописное зрелище: окружены лилово-желтыми альпинариями, между ними цветут подснежники и перелески и вьются ветви декоративных кустарников.

— Желаю тебе успеха, Элле,— говорит Аста, знакомя нас с девушкой, поднимающейся нам навстречу от цветников.

Элле Альвик восемь лет назад окончила Янедаский сельскохозяйственный техникум и с тех пор работает садовником на заводе. А так как в поселке своего садовника нет, то Элле в общественном порядке наведывается ко всем, кто получает участки, и учит их садоводству.

И нам стало понятно, отчего у рабочего поселка такой красивый, ухоженный, просто курортный вид.

Благоустройство — это только одна из многих забот сельсовета. А ремонт дорог, а план продажи государству мяса и молока индивидуальным сектором... И тут сельсовет в ответе.

Фото В. Сальмре.

Грунтовые дороги были ровными, их явно ремонтировали. Но Аста все же встревожена: когда же удастся заасфальтировать эти внутренние полевые дороги, если даже в поселке пока нет асфальта на улицах. «Этим всерьез должен заняться сельсовет нового созыва»,— говорила она.

Вначале много хлопот было у сельсовета с продажей государству молока и мяса.

— Прежде по старой привычке все местные жители стремились торговать на рынке. Долго мы им разъясняли, что выгоднее не ездить на рынок, не тратить деньги и время на дорогу, что выгоднее продать все государству и получить за это комбинорма. Теперь, конечно, никого уговаривать не надо. Мясо продают на Таллинский мясокомбинат, а молоко — заметили, наверное, что бидоны на приступочках стоят,— забирают машины молочного завода.

И потом, какими бы пунктами соревнования сельсоветов мы ни интересовались, тут же выяснялось: в Раазину все в порядке. Колхоз Арукюла вовремя выполнил свой производственный план, отделения совхоза тоже. Конечно, как и в выполнении плана, так и в ремонте дорог колхоз и совхоз сами живо заинтересованы. Но напомнить им все же не мешает, и Аста делает это. И на сессиях, и в кабинетах колхозного и совхозного начальства, и на полях.

У сельсовета Раазину, как и у любого сельсовета, есть свой бюджет. Приход не так уж велик, но сколько бы ни было их, денег, они любят счет. Строгий счет. И если умело вести финансовое хозяйство, то появляется возможность найти средства, чтобы отремонтировать уличное освещение, помочь старикам, пострадавшим от пожара, кое-кому добавить деньги к пенсии. Вот так она и распоряжается приходом-расходом, Аста Найрисмяги. Пришли медики и просят: «Надо бы новое зубоврачебное кресло в амбулаторию поставить. Помоги, Аста». Помогла. Выделила деньги из скромного сельсоветского бюджета. И никто не скажет, что Аста нарушает финансовую дисциплину. Нет, строго она соблюдает ее. Просто умеет Аста счет деньгам вести, умеет быть и доброй и требовательной.

— Нуждаются люди главным образом в строительстве,— рассказывает Аста,— уходят с хуторов, съезжаются в поселки. До войны и в Раазину и в Арукюла едва было по пяти десятков домов. А сейчас по двести. Сами видите, какие они — новые, пятикомнатные, с ванной и душем. Государство помогает ссудами, стройматериалами. А мы строго следим за тем, чтобы строили хорошо, прочно, чтобы сразу обзаводились садами.

...Кто же она, Аста Найрисмяги? Жила-была в Выруском районе девушка, окончила там десятилетку, а замуж вышла в Раазину. Работала в лесничестве, потом — на заводе. Работала хорошо, и потому выбрали ее депутатом сельсовета. А когда стала депутатом, активно работала в разных комиссиях. На прошлых выборах, в 1967 году, избрали ее председателем сельсовета. И вскоре сельсовет этот стал лучшим в Эстонии. Аста дружит с людьми, старается, чтобы и им и государству было хорошо, словом, умело и добросовестно управляет своим маленьким «государством в государстве», начальной ячейкой Советской власти.

Нашу страну по приглашению Советского правительства посетил с официальным визитом Премьер-Министр Канады Пьер Эллиот Трюдо.

В Кремле состоялись переговоры между главами правительств СССР и Канады. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Канады Пьер Эллиот Трюдо подписали советско-канадский протокол о консультациях.

19 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле Премьер-Министра Канады. В откровенной, дружественной беседе были затронуты актуальные международные проблемы и вопросы развития отношений между Советским Союзом и Канадой.

20 мая высокий гость был принят Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

Премьер-Министр Канады совершил поездку по Советскому Союзу. Он посетил Киев, Ташкент, Самарканд, Норильск. В программе его поездки — посещение Мурманска и Ленинграда.

В Киеве Премьер-Министра Канады принял Председатель Совета Министров Украинской ССР В. В. Щербицкий.

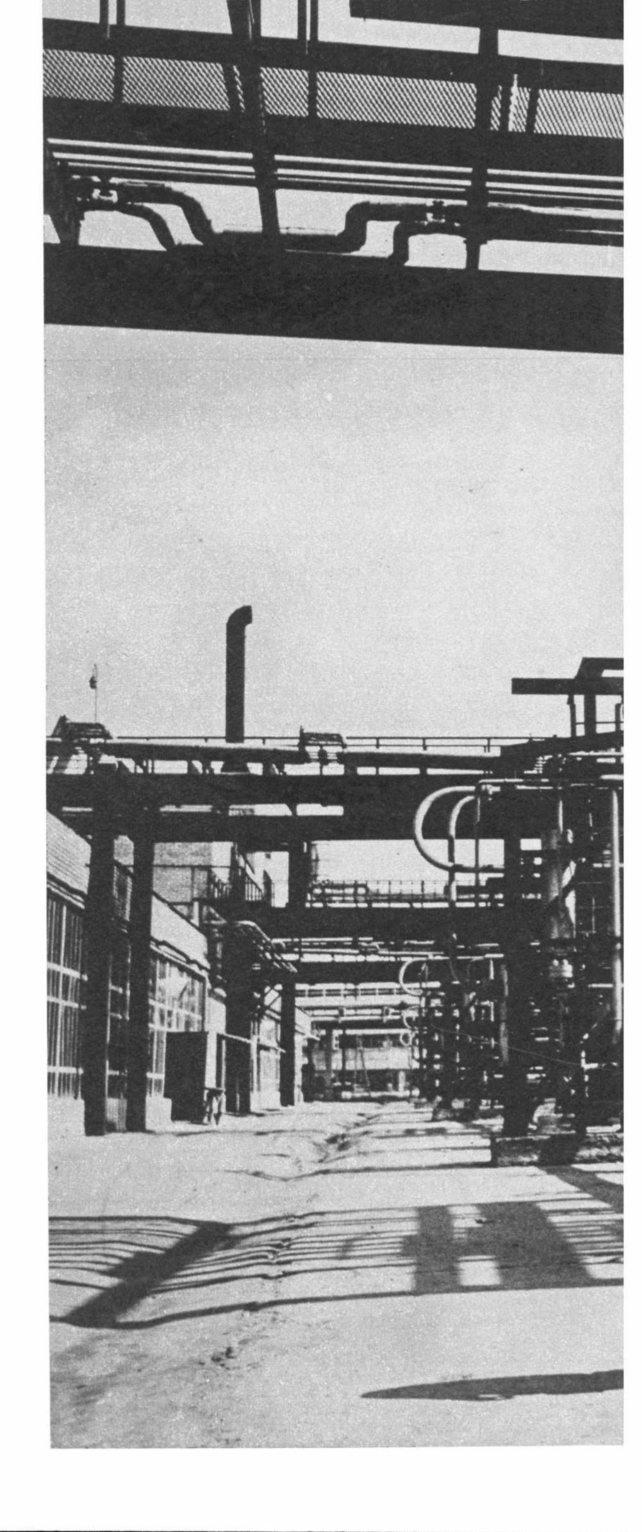
От имени правительства Узбекской ССР в Ташкенте был дан официальный обед в честь П. Э. Трюдо. На обеде с советской стороны присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов и другие официальные лица.

После подписания советско-канадского протокола о консультациях.

Фото А. Гостева.

КУДЕСНИКИ

У химиков праздник. Ученые, лаборанты, операторы, работники химической промышленности отмечают День химика.

...Молоденькую девушку-лаборантку, только что из института, встретишь в Нефтяных Камнях — городке на сваях, поднятом над волнами Каспия. С вчерашним зоотехником, а ныне ученым, изучающим биологически активное вещество оленьих пантов, познакомишься в одном из институтов Владивостока. Давнего знакомого, инженера, монтировавшего оборудование для производства глютамата натрия на сахарном заводе в Ельце, увидишь вдруг гостем на ВДНХ.

Впрочем, кого только здесь, на ВДНХ, не увидишь! В павильоне «Химическая промышленность» — громадном, из стекла и алюминия — повстречаешь людей, причастных к самым различным отраслям Большой химии страны: одни производят капрон (в Чернигове), другие — искусственную шерсть нитрон, синтетический спирт, каучук (все они со средней Волги), третьи — аммиачную селитру и нитрофоску (в Невинномысске).

Это все те, чей праздник сегодня,— химики. А еще хотелось бы назвать их кудесниками. Разве будет в этом преувеличение? Они проникают в святая святых вещества, знают тайны чудесных превращений, умеют сшивать молекулы в полимерные цепи, а из нефтяного газа, из воды и воздуха научились делать удивительные материалы с заранее заданными свойствами.

Юная Люда Медведева, экскурсовод павильона, спешит познакомить посетителей со всем сказочным богатством, что ее окружает. А окружают ее, собственно, вещи, которые стали привычными в нашем быту. Корзинки и сумки, плащи и обувь, посуда и утварь, шампуни, одеколоны, мыла, занавеси и клеенки, лаки и краски, медикаменты и инструменты... И все это химия, химия. Лавсан, капрон, эластик, полиэтилен, димедрол, тетрациклин... Мы приобщаемся к замысловатому языку химиков, как приобщились к изделиям, созданным их трудом и талантом.

Можно ли идти далее природы и искусственно создавать неведомые ей материалы? Да, химик делает это постоянно, говорил академик А. Н. Несмеянов. Наука и строительство, промышленность и сельское хозяйство требуют все большего количества новых материалов, и химики создают их. За последние три года освоено производство более 1100 химических продуктов, материалов и изделий, более 1500 реактивов и 140 биохимических препаратов.

В девятой пятилетке все отрасли химической промышленности получат дальнейшее развитие. Выпуск продукции химической и нефтехимической промышленности увеличится в 1,7 раза, в том числе пластических масс и синтетических смол — примерно в 2, каучуков — в 1,7 и товаров бытовой химии — в 1,9 раза. Производство минеральных удобрений для сельского хозяйства будет доведено в 1975 году до 90 миллионов тонн, химических волокон — до 1050—1100 тысяч тонн.

Во всех отраслях народного хозяйства, в повседневной жизни стала химия нашей доброй помощницей. Без нее не обойтись ни в космических исследованиях, ни в быту, ни в заботах о здоровье, ибо, по мудрым и вещим словам ученого, химия далеко простирает руки свои в дела человеческие.

В. ТИТАРЕНКО

Новополоцкий химический комбинат, выпускающий минеральные удобрения для сельского хозяйства. Начальник цеха полимеризации А. Попов (слева) и аппаратчик Н. Рубис обходят один из участков цеха.

Фото А. ГОСТЕВА.

СВЕРХОРУЖИЕ В «ВОЙНЕ УМОВ»

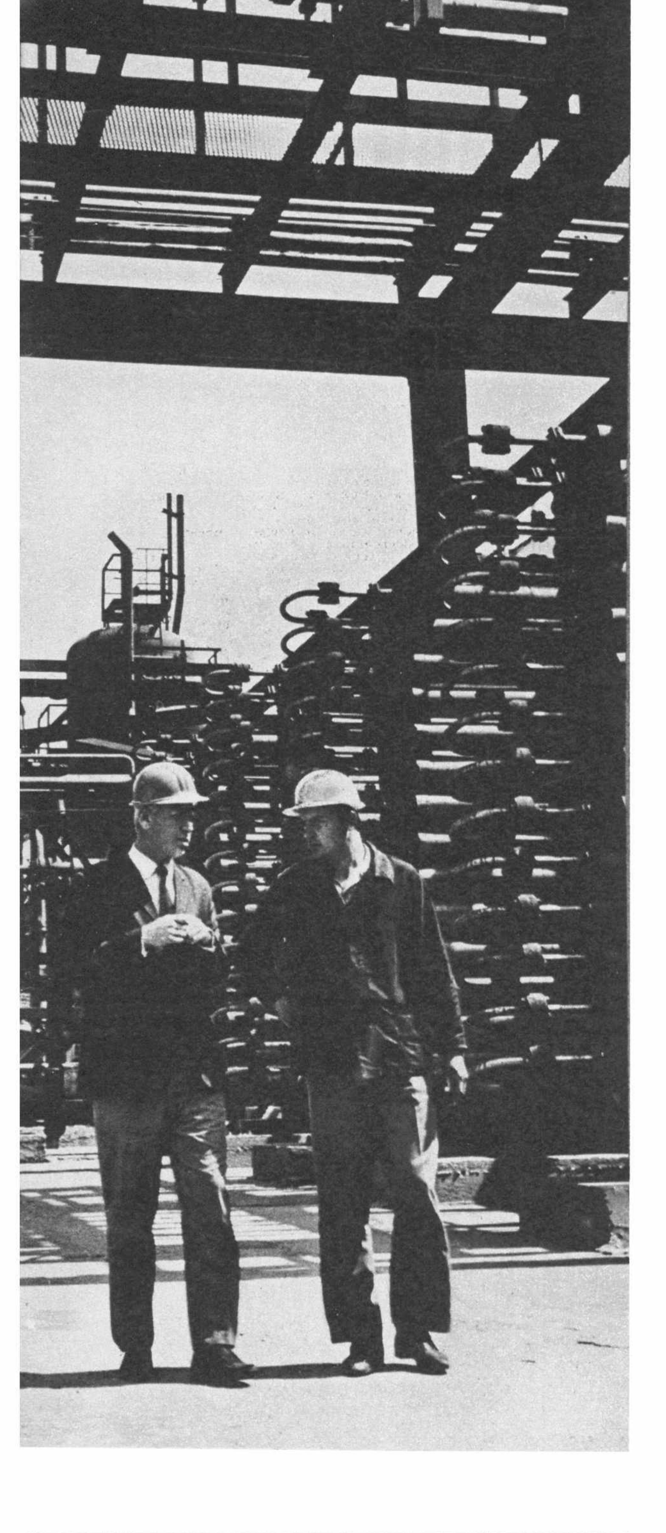
Обосновывая название своей книги «В поисках сверхоружия», журналист-международник Владимир Большаков пишет: «Наши враги — антикоммунисты — понимают, что сейчас социализм, систему жизнеспособную и боеспособную, одним оружием, даже термоядерным, не одолеешь. И поэтому ставка сделана на оружие идеологическое — разрушающее души, идеалы, сознание, а не города и промышленные объекты». Поиск идеологического сверхоружия в наши дни санкционирован, освящен и оплачен долларом.

Об успехе книги В. Большакова можно было бы судить уже лишь по тому, как удались автору страницы, относящиеся к проблемам Америки. В целом они написаны со знанием дела — с той точностью, в которой проглядывает серьезный исследователь, с такими неожиданными поворотами, за которыми проступают многие дни размышлений над известными фактами, явлениями, обстоятельствами. Сошлюсь для примера на очерк «Хиппи-энд», в котором описывается убийство актрисы Шарон Тейт и ее гостей на одной из вилл Голливуда. «Убийцами были «хиппи», самые настоящие, неподдельные, которые ушли от общества в поисках добра, любви и красоты и которые тем не менее не пощадили даже беременную женщину. «Пожалуйста, позвольте мне родить ребенка. Убейте меня потом!» — умоляла их Шарон Тейт, но в ответ получила 16 ножевых ранений, в том числе одно в живот». Автор шаг за шагом прослеживает историю движения «хиппи», о котором у нас писалось немало, делится личными впечатлениями о «детях цветов»: «Я видел их в Чехословакии в трудные для республики дни... Контрреволюция нашла среди «хиппи» активных помощников. Вместе с другими они жгли советские флаги, избивали коммунистов, писали гнусные лозунги на стенах... Кто бы мог подумать года два-три назад, что можно поставить рядом такие понятия, как «хиппи» и «убийство», «хиппи» и «идеологическая диверсия», «хиппи» и «шпионаж». И тем не менее столь противоположные на первый взгляд понятия сблизились. В этом видится жестокая логика борьбы старого мира за свое существование, борьбы не на жизнь, а на смерть».

О многом заставляют задуматься страницы, описывающие далласскую трагедию — убийство президента Дж. Кеннеди, «приключения» известных комедийных актеров — братьев Смазерс, страницы, рассказывающие о пружинах процесса над Анджелой Дэвис, анализирующие систему образования в США, где из одних и тех же школ, колледжей и университетов выпускаются творцы «Аполлонов» и убийцы Сонгми.

При анализе методов психологической войны, которую ведут против Советского Союза и социалистических стран империалистические державы, автор выделяет один из приемов — так называемое диссидентство, означающее в буквальном переводе «раскольничество», инакомыслие, неверие в общепринятые истины. «На Западе прекрасно понимают, что не литературные перебежчики, не шумно рекламируемые «кандидаты в Львы Толстые» из числа «диссидентов» определяют магистральное развитие многонациональной советской литературы, нашего богатого, в высшей степени гуманистического искусства, не они формируют взгляды и убеждения советских людей, советской молодежи. И не случайно, как только очередной «классик», вроде шизофреника Тарсиса, отслужит свое, его выбрасывают на свалку. Идеологические перебежчики как в буквальном, так и в переносном смысле заслуживают лишь презрения преданного ими народа». Диссидентство не имеет почвы в советском обществе. Но думается, что автор прав, привлекая к нему внимание, ибо стратеги тотальной «войны умов» не снимают его с вооружения, надеясь внедрить в души некоторых людей «терпимость, ненасилие и либерализм по отношению

В. Большаков. В поисках сверхоружия. Издательство «Молодая гвардия». 1971.

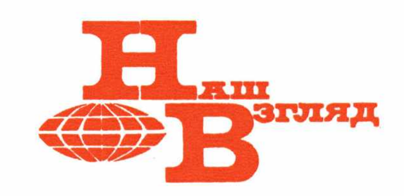

ко всем разносчикам буржуазной идеологии и «западного идейного багажа», всячески настаивая на мирном сосуществовании идеологий». Автору этой рецензии было смешно и дико слушать нынешней зимой в Вашингтоне разглагольствования некоторых официальных американских пропагандистов, делающих ставку на диссидентство. Вся бесперспективность этой стратегии ясна, но быть готовым к борьбе с ней нужно — таков вывод, напрашивающийся после прочтения книги «В поисках сверхоружия».

В заключительном очерке «Фарисейство на крови» автор прослеживает стратегические планы международного сионизма, обнажает его корни и заокеанскую питательную среду. «Сионизм окреп и вырос на долларовых дрожжах. И все чаще мы ощущаем его руку в глобальной политике США, той самой политике, цели которой полностью совпадают с конечными целями сионистов».

«В поисках сверхоружия» — первая книга Владимира Большакова, с которым наши читатели знакомы по его очеркам в «Комсомольской правде» и публицистическим статьям, появившимся в последнее время на страницах «Правды». У молодого журналиста вырабатывается своя творческая манера — это раздумья, носящие бескомпромиссный в отношении идеологических врагов характер, яростно-гневный и язвительно-насмешливый. Его первая книга выиграла бы еще больше, если бы некоторые мысли в ней были развиты более полно, если бы ряду правильных выводов и обобщений, догадок и гипотез было предпослано более полное изложение канвы событий, ведущих к ним. Думается, что у автора должно появиться желание дополнить свой интересный труд и не останавливаться на избранном им пути публицистики.

В. ПЕТРУСЕНКО

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЗАПАД ДОЛЖЕН ПРИСЛУШАТЬСЯ

Владимир НИКОЛАЕВ

Мирная инициатива Советского Союза с каждым днем находит все более широкую поддержку во всех странах. И это закономерно. Дело в том, что советские предложения о путях обеспечения мира и безопасности исходят из интересов народа, они реальны и конкретны. Решения XXIV съезда КПСС по международным вопросам и уже начатая работа по претворению их в жизнь встречают глубокое понимание мировой общественности и завоевывают на свою сторону все больше сторонников.

«Претворяя в жизнь решения съезда,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей недавней речи в Тбилиси,— мы будем делать все зависящее от нас для обеспечения мирного сосуществования государств, независимо от их общественного строя». Внешнеполитическая часть этой речи вызвала самые широкие отклики во всем мире. Конструктивный подход Советского Союза к решению ключевых международных проблем благожелательно комментируется печатью, общественностью и официальными кругами многих стран.

«Запад должен прислушаться к сигналу из Тбилиси. Он должен незамедлительно взять курс на совещание с Востоком по вопросам безопасности»,— пишет западногерманская газета «Нойе Рейн цайтунг». Министры иностранных дел десяти западноевропейских государств, по сообщению агентства Франс Пресс, «выразили удовлетворение в связи с инициативой Леонида Брежнева, которую они рассматривают как жест доброй воли».

Да, сегодня многие конкретные мирные предложения Советского Союза вопреки проискам агрессивных сил пробивают себе дорогу. «Некоторые постоянные представители в Совете НАТО явно раздражены проявляемой на Западе тенденцией расценивать слова советских руководителей как важную дипломатическую инициативу»,— сообщает из штаб-квартиры НАТО в Брюсселе американский обозреватель Миддлтон.

Упорно и последовательно борется Советский Союз за создание в Европе атмосферы подлинного мира и сотрудничества. И если совсем недавно идея о созыве общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе казалась бесконечно далекой от ее реального осуществления, то ныне она обретает все более конкретные очертания. «Еще один шаг вперед на пути к оздоровлению политического климата в Европе»,— заявила индийская газета «Нэшнл геральд» по поводу речи Л. И. Брежнева в Тбилиси. Подобные шаги Советского Союза, несомненно, оказывают свое положительное влияние на судьбы мира. По словам министра иностранных дел Франции Мориса Шумана, министры иностранных дел десяти западноевропейских государств на своем совещании в Париже пришли к выводу, что «общее отношение к предстоящему совещанию является сегодня более положительным».

Проблема сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе — одна из важнейших в современной международной жизни. Вот почему предложение вступить в переговоры по этому вопросу, выдвинутое Л. И. Брежневым в его речи в Тбилиси, нашло столь широкий отклик. От таких конкретных предложений, сделанных в интересах безопасности народов, не отмахнешься, их не замолчишь. «СССР продолжает мирное наступление»,— так пишут сейчас многие буржуазные газеты.

С такой же последовательностью, трезвым, деловым подходом, как в решении проблемы безопасности в Европе, наша страна выступает за оздоровление международной обстановки, за ликвидацию очагов агрессии в Индокитае и на Ближнем Востоке. Советский Союз решительно настаивает на том, чтобы в отношениях между всеми странами была достигнута договоренность об отказе от применения силы при решении спорных вопросов. Советский Союз выступает за созыв всемирной конференции по разоружению, а также за конференцию пяти ядерных держав для принятия мер по ядерному разоружению, за запрещение химического и бактериологического оружия и уничтожение его запасов, ликвидацию иностранных военных баз и роспуск военных блоков. Как и в предложениях по европейским проблемам, все наши соображения по этим самым кардинальным международным вопросам предельно четки и конструктивны.

Важность и неотложность выдвигаемых Советским Союзом мирных предложений осознают все более широкие круги мировой общественности. Сама жизнь подводит здравомыслящих людей к тому, что сегодня нельзя безучастно относиться к судьбам мира, в котором непрерывно гремят пушки, в котором то там, то здесь создается опасная напряженность и который, наконец, исстрадался под бременем военных расходов. Американская газета «Крисчен сайенс монитор» сообщила на днях, что в минувшем финансовом году государства мира истратили на военные цели 204 миллиарда долларов (в том числе одни лишь США — 79 миллиардов)!

На пути к подлинному миру и безопасности народов еще много серьезных препятствий, но весь ход современной истории говорит за то, что силы мира, возглавляемые нашей страной, победят!

В дни работы XXIV съезда КПСС делегаты съезда от Алтайской краевой партийной организации побывали в редакции «Огонька». Сегодня мы публикуем рассказы наших гостей об их делах в минувшей пятилетке, о планах на будущее.

АЛТАЙ НАШ, ЗОЛ

РАБОТЫ ХВАТИТ ВСЕМ

А. В. ГЕОРГИЕВ, первый секретарь Алтайского крайкома КПСС

— По всей нашей стране советские люди горячо, взволнованно, с большой активностью обсуждают исторические решения XXIV съезда партии, прилагают все усилия для их быстрейшего претворения в жизнь. На всех нас, делегатов съезда, представлявших 148-тысячную армию коммунистов Алтая, этот выдающийся партийный форум произвел неизгладимое впечатление. Отчетный доклад Центрального Комитета, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, представляет собой новый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, вооружает нашу партию, советский народ, друзей за рубежом ясной перспективой дальнейшей борьбы за торжество великого дела Ленина.

Наш край, Алтайский, в своей повседневной жизни и работе опирается на постоянную помощь и заботу Центрального Комитета. Эта поддержка помогла жителям Алтая справиться с заданиями восьмой пятилетки. За эти годы построено 70 новых заводов, фабрик и производств, 350 механизированных поточных и автоматических линий. Промышленность края сегодня представляет собою высокоразвитое производство, продукция которого поставляется во все экономические районы страны и в 50 зарубежных государств. Наш рабочий класс показывает пример сознательного, творческого отношения к делу. На съезде партии называлось имя Георгия Иосифовича Ярового, слесаря завода транспортного машиностроения, прекрасного работника, замечательного коммуниста. Таких коммунистов, как товарищ Яровой, на Алтае сотни и тысячи. Они составляют золотой фонд краевой партийной организации. В городе Рубцовске на заводе «Алтайсельмаш» в течение семнадцати лет работает сталеваром Николай Васильевич Василенко, новатор, рачительный хозяин, вдумчивый воспитатель юной смены. Коммунист Василенко первым в городе освоил методы скоростных плавок, за четыре года он выполнил личную пятилетку, сэкономил более одиннадцати тысяч рублей государственных средств.

Алтай — край прославленных мастеров зерна. У истоков больших урожаев стояли известные всей стране хлеборобы: Михаил Ефимов, Федор Гринько, Георгий Фромов. Эпопея освоения целины, каждая пятилетка давали новых героев, принявших эстафету от старших поколений. Потомственные хлеборобы Александр Беккер, Гавриил Буханько, Кузьма Косачев возглавили массовое движение бригад за высокую культуру земледелия. Инициаторами социалистического соревнования за большой алтайский хлеб, соревнования, в которое включился весь край, были коммунисты ордена Ленина колхоза «Россия» и ордена Октябрьской Революции совхоза «Бийский». В прошлом году мы преодолели трудный рубеж — 6 миллионов тонн зерна, но не считаем это пределом.

Алтай — край, богатый своими традициями. Жители края принимали активное участие в Великой Отечественной войне, стояли насмерть у стен Сталинграда, восстанавливали города и поднимали целину. И теперь, вооруженные и вдохновленные решениями XXIV съезда партии, мы уверенно смотрим в будущее. Делать его прекрасным — что может быть почетней этой цели!

Слово «Алтай» переводится на русский язык как «золотой». И золотым его сделали золотые руки рабочих и крестьян.

Директивы XXIV съезда ставят перед всей Сибирью и перед нашим краем новые грандиозные задачи. Это — строительство заводов и фабрик легкой, пищевой и химической промышленности, крупного коксохимического комплекса, реконструкция Алтайского тракторного завода, увеличение производства и улучшение технических параметров трактора Т-4, освоение и ввод новых мощностей по производству шин, моторов и других изделий. Большие и сложные задачи предстоит решить труженикам села. Край — крупный поставщик зерна. А это заставляет нас неустанно бороться за его высокое качество, увеличивать площади под высокоурожайные сильные яровые пшеницы, принимать решительные меры против потерь на уборке урожая.

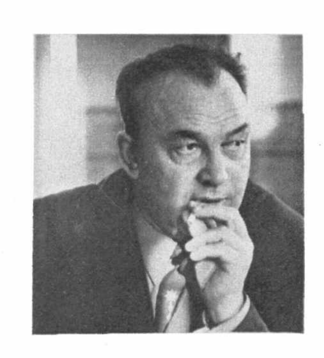
В нынешней пятилетке будут начаты большие комплексные работы по обводнению Кулундинской степи. Решение этой крупной проблемы позволит через две пятилетки преобразовать сухую степь, превратить ее в лесостепь. Кулундинцы должны обеспечить продажу государству хлеба самого вкусного, с высоким содержанием клейковины, довести его производство уже в 1975 году не менее чем до 1 миллиона 700 тысяч тонн. А кроме того, Кулунда — это край молочного животноводства и тонкорунного овцеводства. И обводнение степи — дело, налагающее на нас большую ответственность.

Колхозы и совхозы края должны к концу пятилетки увеличить продажу мяса государству более чем на 50 процентов.

Многое предстоит сделать для улучшения бытового обслуживания населения, создания хороших условий труда на животноводческих фермах, в тракторных бригадах. Новая пятилетка — это годы созидания хорошей строительной базы, переход на индустриальные методы строительства в селах; это большое жилищное строительство, новые клубы, больницы, школы, детские сады и ясли.

Краевая партийная организация уделяет большое внимание трудовому воспитанию, закреплению молодежи на селе. По почину Героя Социалистического Труда Н. Е. Алексенцевой, М. Ф. Голикова, М. И. Гусельникова в крае широко развернулось движение за овладение техникой всеми сельскими жителями. Женщины и девушки осваивают комбайны и трактора. Опытные механизаторы шефствуют над молодыми. Пять тысяч женщин и девушек края овладели техникой.

...Алтай наш красив не только мужественными и закаленными сибиряками, но и замечательной природой — каскадом горных рек, озер, голубой Катунью, красивейшим Телецким озером, зарослями кедрового ореха, ели, лиственницы и облепихи. Тот, кто связал свою судьбу, свой труд с Алтаем, не жалеет об этом. Приезжайте к нам на Алтай, работы хватит всем.

ИСКАТЬ СНОВА И СНОВА

И. ШУМАКОВ, Герой Социалистического Труда, председатель ордена Ленина колхоза «Россия», член Союзного Совета колхозов, депутат Верховного Совета СССР

— Прошлой осенью нашему колхозу исполнилось ровно 20 лет. С первого дня я в нем председателем. И вот что интересно: кажется, с годами стали мы мудрее, опытнее, дальше видим и больше знаем, а все равно чувство неудовлетворенности остается. Мы достигаем намеченных вершин, но с этих вершин открываются новые горизонты. И мы уже недовольны тем, чего достигли вчера. Мы понимаем, что до тех горизонтов добраться будет нелегко, что у каждого из нас прибавится седины от новых забот, но ни сам ты, ни твои товарищи на месте стоять не собираются. Мы идем дальше. Я говорю не только о колхозе «Россия», но и обо всей нашей стране. Таков уж советский характер.

...Одно давнее воспоминание много лет преследовало меня, не давало покоя. Я вернулся с фронта на костылях. Многие фронтовики возвращались с отметинами войны, многие не вернулись вовсе. Колхозам жилось трудно и голодно. В родной моей Барановке пахали на коровах. Это было жуткое зрелище. Кто видел его — не забудет. Много лет спустя, когда колхоз «Россия» прочно стал на ноги и получал уже миллионные прибыли, когда он был уже десятикратным экспонентом ВДНХ, когда в домах колхозников прочно поселились достаток и благополучие, я нет-нет да и вспоминал ту давнюю картину. И она заставляла меня снова и снова искать: что же сделать еще, чтобы колхоз стал богаче, сильнее? Мне кажется, нам это удается. Например, один только 1970 год по своим результатам стоит целых шести лет — с 1950-го по 1955-й. Урожай зерновых за пятилетку возрос в 3,5 раза по сравнению с 1950 годом и составил в среднем более 20 центнеров с гектара. А ведь мы в основном

ОТОЙ...

производим высококачественное семенное зерно... Я бы долго мог перечислять здесь, сколько получает колхоз свеклы и кукурузы, сколько надаивает молока и продает мяса государству, сколько настроил коровников, токов, зерноскладов, домов, магазинов. Но мне хочется рассказать всего лишь об одном случае.

Из колхоза уезжал парень, уезжал навсегда. Стал бы он хорошим мастером: умел всякое сельское дело работать, любил землю. Словом, уезжал нужный парень, и не хотелось его отпускать.

— Тебе плохо у нас живется? — спросил я его.— Мало зарабатываешь, работа неинтересная?

— Видите ли,— ответил он,— живу я вроде хорошо и вряд ли столько буду получать в городе. Но выходит так, что в городе мне будет интересней. Судите сами. Вечером возвращаюсь я с работы, а дома в хлеву мычит корова, за которой тоже уход нужен, сами знаете, немалый. Летом прибавляется еще и огород, потому что коли хочешь есть овощи, то расти их сам. Овощи есть я, конечно, хочу, но я хочу также и посмотреть кино или спектакль, поплясать в самодеятельном ансамбле или сыграть в любительском спектакле. А Дворец культуры в Барановке, на центральной усадьбе, от нас далеко...

Возражать ему было нечего. Парень уехал. А мы поняли, что на каком-то этапе стали отставать от жизни. И надо тут срочно что-то делать. Вот тогда и решили мы составить план социального развития колхоза. Сейчас колхозники живут у нас в пяти селах. Правление решило, что целесообразно застроить и расширить только два из них — Барановку и Гольцовку. Люди из остальных — Угловского, Рязановки и Сосновки—в ближайшие пять—десять лет будут переселены в эти перспективные села. В нынешней пятилетке полностью закончим газификацию квартир, продолжим их подключение к центральной отопительной системе и водопроводу, будем асфальтировать тротуары, дороги.

Мы запроектировали сейчас строительство двух промышленных животноводческих комплексов: молочный комплекс — коровник на 1 100 коров и мясной конвейер — свинарник-откормочник на 12 тысяч голов вместе с комбикормовым заводом. Все процессы здесь будут полностью механизированы. Это позволит к концу пятилетки почти удвоить производство мяса и молока.

Будем строить теплицы, овощехранилище, консервный завод, колбасный цех, рыбопитомник, расширять производство мяса, молока, овощей и картофеля для нужд населения, и в частности самих колхозников. Вот тогда, пожалуй, молодой парень задумается, уезжать ли ему из колхоза.

РЫЦАРИ, КОМБАЙНЫ И ПОДРУГИ МОИ...

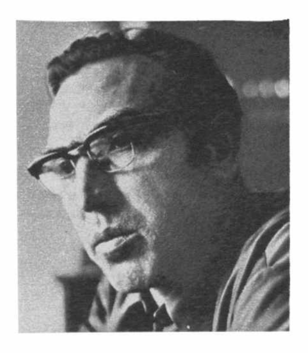
Нина АЛЕКСЕНЦЕВА, Герой Социалистического Труда, механизатор первого класса совхоза «Комсомольский»

— Комбайн шел по ячменному полю и не давал мне ни секунды передышки. Круг за кругом, круг за кругом. Кончался пятый день моей первой в жизни уборки, а мне показалось, что я работаю на комбайне давным-давно, по крайней мере год. Это давал себя знать напряженный ритм осени. Страхи и сомнения куда-то улетучились и казались теперь смешными. В серенький рассвет поднялась я впервые на комбайнерский мостик, поднялась робко и неуверенно, думала: как я его поведу? Будет ли он меня слушаться? А вдруг на пути ночка? Вдруг упаду с мостика? В общем, трусила страшно. Наверное, и других девчонок мучили похожие страхи, потому что из семи окончивших курсы механизаторов на работу вышли только трое: Рая Андрейченко, Маша Ротт и я. Мне не пойти было невозможно. Как же так, скажут, других уговаривала, а сама осталась? Зачем же тогда училась? Да просто на смех подняли бы в совхозе. И так уже мужчины подшучивали: матриархат вернуть хотите?

Началась страда. Меня поставили в мужское звено на ячмень. В первый день было так: мужчины намолотят бункер и сидят, меня ждут — обедают или курят. Ну, думаю, сейчас и я пообедаю, вот только этот участочек дожну. Подъезжаю, а они уже на комбайны садятся. Ладно, думаю, потерплю без обеда. И за ними. Все-таки в первый день они намолотили по девять бункеров, а я только семь. А во второй день они — одиннадцать, и я— тоже одиннадцать. И в третий день не уступаю и в четвертый. Смотрю, злятся мои рыцари, а поделать ничего не могут, хоть и сократили перекуры. В тот сезон я убрала более 400 гектаров и показала второй результат в совхозе среди всех механизаторов. С этого и началось. Женщины воспрянули духом и одна за другой пошли на курсы. Не все сразу, конечно, получалось. Были и курьезы. Одна из подруг както не сумела справиться с управлением, и комбайн ткнулся в березу. Скорость была небольшая, и ничего страшного не произошло. Бежит разъяренный инструктор-механик, орет что-то грозное, а она ему так нежно и говорит: «Он весь в меня, мой комбаша. Я тоже среди берез люблю гулять...» Механик так и застыл с разинутым ртом.

Потом организовали мы женскую бригаду, первую в крае. Шел сентябрь, бригада молотила гречиху. Когда оставалось последнее поле, нам стало ясно: Валя Артемова чуть-чуть не дотягивает до плана. А у нее скоро день рождения. Собрали мы «военный совет» и постановили: сделать Вале сюрприз. Утром подъехали к ее комбайну, поздравили, а когда подкатывали под погрузку машины, каждая из нас, освобождая бункер своего комбайна от зерна, напоминала: «Не забудь, это на счет Артемовой». Так и Валя тоже выполнила план.

В прошлом году на комбайнах уже работало более тридцати женщин. Совхоз поставил миллион пудов хлеба — двойной план, и мы счастливы, что в этом миллионе есть и наша доля, да немалая. В краевом соревновании наша бригада заняла первое место и получила денежную премию. Стали мы думать, что с этой премией делать, и решили: купить телевизор и подарить нашей сельской школе. Так и сделали.

НЕТ, НЕ ФАНТАЗЕРЫ

Иван ШИПУЛИН, токарь Барнаульского станкостроительного завода, депутат горсовета, член крайкома КПСС, лучший токарь Барнаула

— День начинался обычно. Лишь одно обстоятельство беспокоило нас: в бригаде появился новичок. Смотрим, паренек ничего себе, симпатичный такой — Юра Хишкин. Только что из армии вернулся, на токаря выучился и к нам. Ну, это он думает, что выучился, а мы-то знаем, какая она, наша работа. Есть, конечно, и простая, а есть — что и знаток голову сломает. А мы как раз бригадой обязательство взяли — пятилетку в четыре года выполнить. Некоторые смотрели тогда на нас, как на фантазеров. А тут еще этот новенький, Юра Хишкин. Как он впишется в ансамбль? Словом, волнуемся, а он и того больше. Но виду не подаем. Работаем себе, посматриваем потихоньку, как там вокруг него Виктор Кучумов танцует — не может спокойно на месте стоять, ногами прямо кренделя выписывает, руками размахивает, что-то объясняет. Мы его между собой так и зовем— танцор. Но мастер каких поискать. Вот Юрий Ионин, тот у нас, наоборот, очень спокойный, слова из него лишнего не вытянешь — камень-человек. Между прочим, единственный среди нас холостяк. Ну, ладно. Включаемся мы, а сами слушаем, как запоет станок новичка.

Ведь это только непосвященному кажется, что все станки одинаковые. То есть, может быть, они и одинаковые, но разные токари заставляют их петь по-своему. Почерк у каждого свой, нет двух токарей, похожих друг на друга. Вы не поверите, но смешайте в общую кучу абсолютно одинаковые детали, и каждый мастер отыщет в ней свою. В общем гуле узнает голос своего станка. Но мастером еще нужно стать, а станок новичка пел пока что довольно робко и неуверенно. Были они пока еще на «вы», а надо на «ты». Толя Гаврилин и Володя Ужинцев, оба коммунисты (в бригаде четыре коммуниста и два комсомольца), оба беспокойные, горячие, едва удерживались, чтобы не подойти к станку Хишкина, показать, как и что надо сделать. Но сами-то они помнили, наверное, свой первый день, знали, что, как только уляжется волнение, все пойдет нормально. Должно пойти. К тому же там Кучумов. С третьей попытки станок новичка пошел наконец ровно и надежно.

Юрий Хишкин оказался стоящим парнем — его выбрали потом заместителем секретаря цеховой комсомольской организации. Стоящим парнем и хорошим токарем. Разумеется, он со своим почерком. Мы ему доверяем теперь экспортные заказы и не волнуемся. А пятилетку мы, как обещали, выполнили — и не за 4, а за 3 года и 11 месяцев. Бригада заслужила первое на заводе личное клеймо.

УВЛЕЧЕННОСТЬ

Нелли ЦИВИНА, директор Ребрихинской средней школы

— Общая культура человека начинается со школы, с первого класса, и каким он вырастет, будущий работник, зави-

сит во многом от нас, учителей.

В 1965 году на колхозном партийном собрании меня принимали в партию. Колхоз носил поэтическое название «Золотой колос» и был когда-то первой коммуной Алтая. Вокруг колхоза лежали степи, степи на все четыре стороны, так непохожие на наши воронежские леса. Ничего этого мы себе в Воронеже, конечно, не представляли, когда отправлялись сюда сразу после окончания института. Алтай знали только по рассказам, краткому справочнику да по песне:

Полюбила тракториста,
Он уехал в Барнаул...

Но вот одно мы знали твердо: там не хватает учителей — и потому решили ехать всем выпуском, полностью скомплектовав преподавательские коллективы для двух комсомольско-молодежных школ. Причем не каких-нибудь, а образцово-показательных — на меньшее не соглашались. Мы думали, что вот приедем в село, молодые, энергичные, полные интересных планов, понимающие друг друга с полуслова, и все у нас сразу пойдет как по маслу. Но село-то оказалось не абстрактной красивенькой картинкой из книжки, а вполне реальным, со своими трудностями и проблемами, со своим укладом, так непохожим на привычный нам — городской. И, прежде чем создавать образцовую школу, нам самим надлежало многому научиться, полюбить край, заставить людей поверить в нас. Меня назначили директором Майской восьмилетней школы, и женщины, увидев меня, всплескивали руками:

— Ой, лихо! Да что же это за директриса, такая маленькая...

Видно, они сомневались во мне, потому что на первый урок вместе с учениками пришли все родители и остались до конца учебного дня. Потом больше не приходили, вроде поверили мне. Мы учили детей школьным премудростям, а сами постигали премудрости сельские: как запрягать лошадь, печь дома хлеб, доить корову. А если что-то не получалось, бегали реветь в березовую рощу. Потом в колхозе уродился неслыханный урожай, и после уроков мы, учителя, вместе со старшеклассниками бежали на ток и работали там до ночи. Вот тогда-то нас стали уважать. И я уже не могла представить себе, как это можно уехать отсюда, не могу представить и сейчас, что где-то может быть интереснее, чем у нас, на Алтае. Второй год я директорствую в Ребрихе, но Майскую школу я, видно, никогда не забуду. Да и можно ли забыть те места, где ты стал на ноги, где осталась часть твоей души? Ребрихинская школа современнее и больше Майской, но проблемы перед нами стоят все те же — кадры для села. Сейчас мы много внимания уделяем производственному обучению. Цель себе ставим такую: каждый выпускник должен знать трактор и уметь водить машину. Видели бы вы, с какой увлеченностью работают школьники в летнем лагере труда и отдыха. Главное, что они там не играют в самостоятельность, а действительно делают все сами, чувствуют свою сопричастность к общим колхозным заботам. А раз уж проснулась в них увлеченность серьезным делом, то и людьми они будут настоящими. В этом я уверена. И в этом мое счастье.

Жаркие ритмы труда

Шуршит золотая солома, шумят тракторы. Грузно оседая, ложатся на весы мешки с зерном. Кажется, что и без того дышащий зноем воздух становится еще горячей от жаркого ритма труда. Но уверенно, властно и вдумчиво управляет этим ритмом молодая женщина-бригадир. Ее, героиню своего будущего полотна, художник Егор Ряжский увидел летом 1931 года, когда много недель провел в первых колхозах Воронежской области.

Само это слово — «бригадир» пришло с новым, советским укладом жизни. Особенно необычно казалось тогда, если за бригаду держала ответ женщина. И художник с гордостью и радостью наблюдал, как справляются женщины с ответственным делом. Об этом он рассказывал во многих картинах: «Делегатка», «Председательница», «Учительница»... «В каждом портрете Ряжского ярко чувствуется современник,— писал народный художник СССР К. Ф. Юон,— всегда художественно воздействуют его четкие краски и мудро обобщенная обработка форм».

...Многое изменилось с тех пор. Но, глядя сегодня на картину «Колхозница-бригадир», мы словно чувствуем дыхание далекого времени и ощущаем, каким праздником была для художника работа над полотном, как легко и радостно было ему прописывать золотыми, охристыми, красными тонами в горячей красочной гамме просторный холст, чтобы собрать наконец всю силу алого цвета в его центре — на майке и косынке героини. Всматриваясь в лицо женщины, в крепкую, ладную ее фигуру с широким разворотом плеч, уверенным жестом руки, мы любуемся и сами словно заряжаемся неизбывной силой, жизнеутверждающей энергией Бригадира!

Примерно в то же время, когда Егор Ряжский собирал материал для будущего своего произведения у колхозников Воронежской области, ленинградский художник Николай Дормидонтов пришел со своим этюдником и альбомом прямо на строительную площадку «Днепростроя». Там рождалась картина «Днепрострой», донесшая до нас атмосферу времени, когда начиналось строительство советской индустрии, а художники искали пути к формированию образа эпохи. Сияющие белизной, словно излучающие свет стены новых цехов поднялись в картине над темным котлованом среди строительных лесов как символ будущего. Чистые, золотом и лазурью отливающие краски нашел художник, чтобы создать этот лучезарный символ, возникающий на глубоком, густом фоне!

Обе эти картины, воспроизводимые сегодня на цветной вкладке, вместе с многими десятками полотен, скульптур, графических листов находятся в развернутой в залах Третьяковской галереи экспозиции «Труд в произведениях советских художников». Выставка эта словно вобрала дыхание далеких лет — энтузиазм первых пятилеток, небывалый размах и великий смысл коллективизации и индустриализации, трудовой подъем послевоенного восстановления, героику освоения целины и повседневный пафос сегодняшних трудовых будней. Она воспела советского человека, созидателя, творца и победителя в непрестанном бою за счастливое завтра. Но нет здесь ни показной парадности, ни громозвучности. Картины, скульптуры, графические серии правдиво и просто, светло и умно, с тем подлинным вдохновением, которое не терпит поверхностности, а всегда скрыто где-то в трепетности красочного слоя, сдержанной выразительности линии, экспрессии скульптурной формы, рассказывают нам о духовной красоте своих героев, об их глубоких чувствах и переживаниях, душевном благородстве и достоинстве, о величии их дел. А в наших, зрительских сердцах от встречи с произведениями искусства и их замечательными героями рождается торжественное чувство гордости за свой народ, свою страну и за молодое революционное искусство, открывшее совершенно новую область для творческого вдохновения художников, новую тему для отображения и воспевания: пафос созидания, радость труда-подвига!

Эта тема с первых же дней вошла во все жанры: сюжетную картину и пейзаж, в портрет и монументальную скульптуру... Оттого на выставке, дополняя и углубляя друг друга, собраны самые разные произведения самых разных художников. Это работы старейших мастеров советского искусства, творивших на заре Советской власти,— пейзажи К. Юона и П. Кузнецова, портреты М. Нестерова, натюрморты И. Машкова, скульптуры И. Шадра, акварели С. Лучишкина... Это новаторские произведения художников, закладывавших основы нашего современного искусства,— Дейнеки, Вильямса, Мухиной, Сарьяна, Сергея Герасимова, Пименова, Самохвалова... А два последних зала целиком отведены картинам, портретам, графическим сериям и скульптурным композициям, созданным сегодня художниками разных возрастов, поколений, национальностей: Аркадием Пластовым и Семеном Чуйковым, Евгением Вучетичем и Николаем Никогосяном, Виктором Ивановым и Таиром Салаховым, Константином Максимовым и Иззатом Клычевым, Екатериной Белашовой и Лео Лангиненом...

Вдохновенная, человечная, серьезная и щедрая экспозиция выставки стала эпическим, волнующим повествованием о трудовых победах народа.

Е. СТЕПАНОВА

Г. Ряжский. 1895—1952. КОЛХОЗНИЦА-БРИГАДИР. 1932.

Н. Дормидонтов. 1898—1962. ДНЕПРОСТРОЙ. ОДИН ИЗ УЧАСТКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА. 1931.

К 125-летию со дня рождения Абая КУНАНБАЕВА

Аян НЫСАНАЛИН

ПОДВИГ АБАЯ

У каждого народа есть по-особому светлые личности, память о которых вечно жива в сознании благодарных потомков. Для казахов Абай именно такая личность. Его значение для культуры казахского народа огромно. Бескрайняя степь редко запоминает имена людей. Вот некоторые из немногих, удостоившихся этой чести: Чокан Валиханов, Махамбет Утемисов и, конечно, Абай Кунанбаев. Среди этого созвездия звезда Абая сверкает наиболее ярко, ничуть не ослабевая за маревом времени. Ее свет падает далеко вперед...

Чем дальше уходит то время, в которое жил Абай, тем ближе и сильнее чувствуешь его присутствие. Он творил в другой эпохе, в атмосфере удушья, борясь «один против тысяч», но, вооруженный вдохновением, творил для будущего. Несомненно, его участие ощущается во многих поэтических судьбах последующих поколений казахских поэтов. Они часто собираются у огня пылающих мыслей Абая.

В первой половине прошлого века дух цивилизации начал проникать в глухую степь. Этот процесс особенно ускорился, когда передовые представители казахской мысли стали пить из животворного источника русской культуры.

Даровитый народ выдвигал из своей среды выразителей своих надежд и чаяний. Абай первым провел борозду письменной литературы и собрал обильный урожай на этой почве.

Абай как поэт несет в себе прекрасное начало народной души. Первые просвещенные сыновья степи Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, живя почти в одно время, хотя и не знали друг друга, но смотрели на свою главную задачу одинаково. С удивительной прозорливостью они предвидели счастье своего народа в приобщении к мировой культуре, в первую очередь к русской.

Абай успел сделать многое. Строгий судья своего времени, он писал с огорчением: «Мы приземлили наши души, перестали верить своему чувству, странно довольствовались созерцанием, не вникая в сущность явлений» («Седьмое слово»). Поэт поставил перед своими соотечественниками большой вопрос: «Чем заняться?» И, указывая путь, смело бросил боевой клич: «Знать русский язык!..» Абай, изучая его, дал быстрый разбег своей поэзии. Крылатый Пегас, с невероятной силой уносящий его, стремительно мчался к Парнасу. В понимании Абая, «бездеятельность приводит к тому, что постепенно начинают стираться те или иные грани мастерства, а потом перестает существовать и само мастерство» («Сорок третье слово»).

С ранних лет воспитавший себя на лучших традициях казахской народной и восточной поэзии, он к зрелому возрасту открывает богатый мир таких корифеев, как Пушкин, Толстой... Пушкин и Лермонтов становятся на всю жизнь его наставниками, зовущими к поэтическим подвигам.

И Абай совершает этот поэтический подвиг. Он, выполняя благородную историческую миссию, возложенную на него временем, зажег Прометеев огонь в сознании своего народа. До него у казахов не было мыслителя-поэта, так правдиво и глубоко раскрывшего все пласты суровой степной жизни. Он впервые открыл казаха для казахов.

Поэт совершенно нового типа, Абай обновил поэтическое мышление, раздвинул его горизонты, насытил поэзию образными выражениями, внес больше семнадцати новых форм в казахское стихосложение.

Творческий путь Абая отмечен сотнями оригинальных стихотворений, тремя поэмами, а также философскими беседами «Кара-сёзь», отличающимися удивительной жизнеутверждающей силой. Его песенное наследие, влившее свежую струю в музыкальный мир казахского народа, восхищает своей чистотой и лиричностью. А как мастерски выполнены переводы произведений выдающихся учителей литературного мастерства!

С приближением старости к нему приходит степенная восточная мудрость. Абай становится задумчив, озабочен, загадочен. Чаще ловит себя на мыслях о грядущем дне, о «молодежи, чье сердце горячо и не изведало еще горечи поражений». И свое проникновенное слово обращает к молодому племени человечества.

В борьбе проходят многие годы жизни поэта — борца за справедливость. Он вступает в единоборство с пороками общества. В его обличительных стихах наблюдается все больше язвительных, жгучих строк, насыщенных острыми социальными мотивами.

В жизни Абая, помимо поэтического и музыкального творчества, большое место занимает и широкий круг других интересов. Его общественная деятельность получает большой резонанс. При помощи друзей-единомышленников, последователей русских революционеров-демократов, он становится активным членом географического общества Западной Сибири, инициатором сбора лучших образцов народного прикладного декоративного искусства и устного творчества.

Абай увлеченно изучает общественную мысль не только Востока, но и Запада. Будучи общественным мыслителем, Абай понимает человека как движущую силу истории и восхищается им: «Человек, только он, обладает изумительной силой — разумом, изумительно сложенным телом, и это сочетание определяет его многогранность и высокоталантливость» («Двадцать седьмое слово»).

Произведения Абая Кунанбаева, классика казахской литературы, отличаются глубоким проникновением в нравственную сущность человека. По точному определению Леонида Леонова, Абай, «человек-маяк» своего времени, осветил путь к прогрессу своего народа, высоко нес знамя казахской литературы.

Абай боролся за высокое слово и порой с сожалением вздыхал, что нет достойного слушателя, не говоря уж о читателях. При жизни не была издана ни одна его книга. Сейчас его произведения издаются многотысячными тиражами, их читают самые искушенные читатели, о которых Абай мог только мечтать. Имя его является гордостью всей культуры нашей многонациональной страны.

Гениальный казахский поэт пропагандировал гуманистические идеи, воспевая прекрасные идеалы человечества: свободу, счастье, равенство, мир и дружбу. И его бессмертные творения проложили тропу в сердце многих народов мира.

ВЯЖЕТ «СЕВЕРЯНКА»

Этот снимок сделан нашим фотокорреспондентом в Москве на Красной Пресне. Фойе клуба Трехгорной мануфактуры. Увидев множество вязаных костюмов, платьев, шарфов, лыжных свитеров, детских кофт, мы ни минуты не сомневались, что перед нами первоклассные работы профессионалов. И тут нам сообщили, что среди вязальщиц можно встретить врачей, актрис, юристов, вагоновожатых, слесарей, педагогов, бухгалтеров, овощеводов... Мы оказались на выставке работ выпускников учебного комбината швейного производства Краснопресненского района.

— Все началось с того, что в продаже появилась вязальная машина «Северянка»,— рассказала нам преподавательница комбината Ф. А. Жаворонкова.— Многие, до этого увлекавшиеся спицами и крючками, решили попытать счастья на машине. Сначала представлялось, что все просто. Но вскоре убедились, что работа на «Северянке» требует подготовки. Этим занялся наш комбинат. Думали, поможем нашим женщинам. Занимались по вечерам три раза в неделю. Но вскоре посыпались в наш адрес письма с разных концов страны. Пришлось открыть заочное отделение. Сейчас среди учащихся жительницы разных городов.

У ПЕРВОГО

Иван КОСТЫРЯ

РАССКАЗ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В упавшем на поля затишье еще чудилось горячечное, разнобойное, разнокалиберное эхо пальбы, то тут, то там все еще раздавались короткие, приглушенные туманом одиночные выстрелы, но скорые сумерки словно бы угомонили весь этот несусветный ералаш: враз оборвались истошные женские крики, стихли плач, причитания, грубые мужские возгласы, глуше стало ржание коней, тарахтение расхлябанных тачанок, кудахтанье кур, рев скотины и погибельный собачий гвалт в окрестных всполошенных селах и хуторах.

Дибривский лес утратил вдруг желтые, красные, оранжевые, бордовые осенние краски, почернел, сделался угрюмым, молчаливым, и в нем засквозило острым холодом от первого приморозка. Мороз обострил тишину. Повсюду, где схлестнулась красная конница с махновцами, наступил непривычный покой. Кругом было тихо и жутко, будто в могильной яме: напуганные селяне хоронились по хатам, плотно занавесив окна, крестясь на углы и тая прерывистое дыхание; умаянные длинными переходами, бессоньем и жарким недавним боем, красноармейцы разместились небольшими группами на ночлег по хозяйским дворам, перед тем выставив охранные посты и предав матушке-земле погибших товарищей. Постовые, чтобы не впасть в дрему, перекликались простуженными голосами, раскуривали отсыревший от пота самосад и обогревали руки у костров. Махновцы же — те, что вырвались из кольца и бежали на отобранных у мужиков свежих лошадях,— были теперь далеко, где-то близ Покровки или даже Чаплина, держа путь на Синельниково, а убитые были снесены на подворья сельских комитетов в каждом освобожденном от банд селе — для опознания местным населением. Здоровые чубатые хлопцы, уложенные рядком, будут обозрены односельчанами — и те увидят, каким непрочным было их залихватство и безрассудная разгульная сила, а еще станет известно, кто, помимо них, причастен ко всем злодеяниям, которые чинились по селам бандами, и кто должен принять на себя за содеянное меру вины.

Красноармеец Халимон Похила, который родился, вырос и женился в этих местах, размышлял, лежа в клуне на окраине Павловки, не только об этом. У Первого брода, что близ Соколивки,— податься через Белый и Черный яры, мимо Кринички, ниже горы Чепы через Безребрив яр и мимо Сабодашевой ямы, тут тебе и Халимонова хата, а в ней — его молодая, статная жинка Магдалина. Наконец-то, отрешившись от пережитого за день, Халимон снова и снова возвращался в мыслях своих к домашнему теплу. Тепло было и здесь — от тесноты, от дыхания. Многие бойцы уже мирно посапывали, а кое-кто даже всхрапнул, шлепая губами и что-то лихорадочно бормоча,— еще не раз каждый из них вновь и вновь переживает во сне отчаянные минуты прошедшего боя, пока новая пальба и сеча не заслонят старых воспоминаний. Где-то в сене начали попискивать ободрившиеся мыши; тонко, мироточиво пахло чабрецом, полынью, медуницей, и рождались думы о родной земле, от которой Халимон Похила был оторван гражданской войной и которая теперь была рядом — она стлалась сразу же за клуней, горбатясь на север буграми и проваливаясь в балках, на юг же она шла низом от речки Соленой до Волчьей, перебредала ее и терялась где-то среди греческих поселений — Большого и Малого Янисолей. Поля сейчас высветились изморозью, словно покрыли их капустными листками. Халимон неожиданно ощутил до ломоты в зубах вкус капустного кочана — холодного, добытого из прихваченных морозом кочерыжек на пустом по осени помещичьем поливном огороде у Инджижика. Много позже он и у себя завел капустные грядки. На широких сочных листьях Магдалина умела печь высокие хлебы, испод у них непременно выходил подрумяненным, ломким, он вбирал в себя соки капустного листка, который в жаркой печи превращался в тонкий и хрусткий, и его невозможно было отлепить от горячего испода. Слаще этого испода, думалось, ничего и не бывает. От мыслей о хлебе, испеченном Магдалиной, еще сильнее пахнуло домашним теплом, и Халимон больше уж ни о чем не мог думать, как только о своей хате, о своей хозяйке, которые были в каких-нибудь трех верстах от клуни, где он ночевал.

Халимон перевернулся с боку на бок, потолкался локтями — бойцы не шелохнулись. «Надо было с вечера у командира отпроситься»,— подумал Халимон с запоздалой досадой. А теперь никому нет дела до его дум, до его тревог. Короткой ночи и так вряд ли хватит, чтобы прийти в себя, не набалованные удобствами бойцы мертвецки уснули, как после мужицкой работы.

Но едва Халимон подобрался чуть выше и потянул к себе винтовку, лежавшую в головах, и нечаянно прижал коленкой чью-то руку, его живо, хоть и спросонья, окликнули:

— Кто? Куда?

— Та спи. Спи. Это я, Халимон.— Он почувствовал, что его лоб под шапкой сделался жарким до испарины и сердце забилось чаще.

— Черт,— выругался тот же голос, и тут же стало в клуне тихо.

Выбравшись наружу, Халимон, пригибаясь, осмотрелся. Месяц барахтался среди туч, которые опустились совсем низко, и свет от него был неустойчив, по временам он выхватывал фигуру постового у соседней калитки, выхватывал усохшую, с обломанной макушкой грушу у входа на подворье, где они ночевали, чернеющую дорожку, что вилась от порога клуни до белеющей за садом хаты, изморозь на опавших листьях в саду. У привязи сгрудились лошади и грелись, прижимаясь боками.

Крадучись, но вместе с тем держась непринужденно с виду, чтобы лошади не заржали, Халимон, когда месяц вновь провалился сквозь тучи, взял седло, отвязал своего коня, потянул за поводья со сдержанной настойчивостью и увлек его за собой в сад, к речке, где подымался молочный туман. Не спеша отыскал приметы Казачьего брода, вроде бы он вел коня на водопой, а там укрепил седло, вскочил в него и понесся. Справа тянулась гора Чепы, а слева — приречье. За рекой Соленой, за водяными Штанами, образованными при слиянии Волчьей и Соленой, поскакал прямо на Соколивку. Так, держась правобережья, сбиться с пути было трудно, и он уверенно скакал, всматриваясь в непроглядный туман.

Эта дорога была издавна знакома ему. С этой дорогой его связывало и другое. Однажды взял он в плен молодого махновца родом из села Подгородни, откуда он сейчас и ехал: села Павловка и Подгородня разделялись речкой Соленой. Было это под Юзовкой, и он тогда невольно обрадовался встрече земляка, хотя встреча-то сама по себе ничего хорошего не сулила: надо было по военному долгу лишить человека жизни. А Лаврентий Брус молод, красив, и к тому же в памяти еще жил загадочный образ бородатого отца Лаврина — старого мельника, у которого мололи муку,— словом, дрогнуло Халимоново сердце, и он промахнулся. Лаврин отскакал с версту, оглянулся и захохотал на всю степь. Затем пришпорил норовистого холеного коня — только пыль потянулась за ним.

Туман все плыл и плыл вдоль Волчьей, он то скрывал Халимона вместе с лошадью, то вдруг припускался, стлался ниже, скрывая лишь коня, и Халимон тогда словно бы катился по самому туману. От реки потягивало сырыми запахами и холодом, и оттого еще приятнее было ощущать коленями теплые лошадиные бока.

Не мог Халимон, упуская молодого Бруса, предвидеть того, что судьба чуть погодя сведет их опять, его и Лаврина, уже на этой вот дороге. Вскоре после того случая попал Халимон в Соколивку и, понятно, успел заскочить и домой. Коня не расседлывал, не снимал с него всей военной амуниции, а так привязал его в садку: собирался всего минуту-другую побыть в хате. Едва он уселся за стол, едва принялся второпях хлебать горячий борщ, поставленный перед ним Магдалиной в глубокой миске, как в хату ввалился, звякая саблей, Лаврентий Брус.

— Ты ба! Ну и встреча! — возрадовался Лаврин. И тут же сдернул с плеча винтовку и с тем же весельем приказал: — А ну вставай! Я тебя, вражина, не упущу, как ты меня!

— Да какой же я тебе враг? — нарочито удивленно спросил Халимон, чувствуя, что от Лаврина нечего ждать пощады — слишком нездоровый блеск горел в его глазах.— Почитай, соседи, на одних берегах живем с твоим батьком.

— Жили! — отрезал Лаврин.— Батько в земле лежит по вашей же красной милости, а тебя я сейчас вгоню.

Был он далеко не тем вахлаком, каким упустил его Халимон: черные усы, чуб из-под сбитой набекрень каракулевой серой шапки, грудь — как наковальня. Отвердела в нем и кость и ненависть.

— Дай хоть до ветру схожу,— попросил Халимон, прикидывая в уме, есть ли какой-нибудь шанс на спасение, и ругая себя за непростительную оплошность, что оставил винтовку на седле.— Сполнить позволь последнее желание.

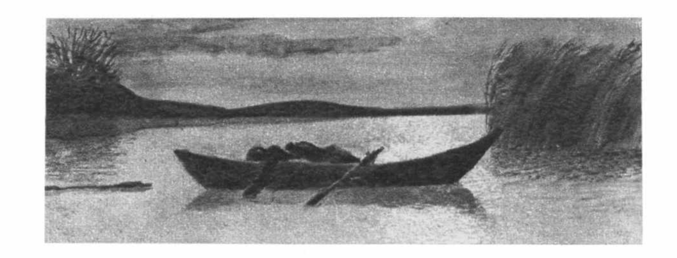
— Что, мокро в штанах сделалось? — с издевкой спросил Лаврин, явно кичась перед Магдалиной: он искоса поглядывал на нее, обессиленно прижавшуюся к печи спиной и побледневшую. Не будь она бабой, схватила бы рогач или кочергу, что стояли рядом с нею в углу, и саданула бы Лаврина по макушке. Но у нее с перепугу ослабели ноги, подогнулись в коленях, и вся она дрогнула, готовая вот-вот опуститься на земляной пол.

— Ну, так и быть,— молвил Лаврин.— За твое невольное помилование и я тебе отплачу. Ступай, да не вздумай там чего! Я погляжу за тобой.— А сам все косит наглый глаз на Магдалину, подмаргивает ей, ухмыляется.

Он подождал на пороге, не убирая винтовки, пока Халимон дотопает до нужника, стоявшего подле сада, скроется, а потом вернулся в хату, уселся у окна и стал через него посматривать, переговариваясь с Магдалиной.

Халимон же, едва присел, выполз наружу, прокрался ползком к дерезе, что кустистым валом тянулась по всей меже вдоль садка, и, сдирая локти и колени, добрался до своей лошади. В первую минуту он хотел было схватить винтовку, приторочённую к седлу, и вернуться в хату, но, подумав, что Лаврин заметит

БРОДА

его и не подпустит да и отыграться может на Магдалине, если не удастся его прикончить, а еще учитывая то, что в Соколивке стали раздаваться одиночные выстрелы, понял: махновцы вновь вернулись, как всегда наскоком, и одному ничего не сделать, только на верную погибель напорешься. Прикинув все это, Халимон отвязал коня и низом, через огород выехал к Первому броду, надеясь вырваться к Подгородне и Павловке, откуда он сейчас ехал и где в то время, по его предположению, стояли запасные отряды Пархоменко.

Лаврин заметил через окно мелькнувшую Халимонову голову, выскочил на подворье и поскакал за ним вдогонку. Конь у него был не так загнан, как у Халимона, и он стал настигать его. И тогда Халимон, почти лежа на гриве коня, обернулся и выстрелил в Лаврина. И успел заметить, как с Лаврина слетела высокая шапка, ровно ее сшибли на бегу плеткой, а сам он, выронив винтовку, откинулся назад и затем всем туловищем свесился на сторону — его удерживали застрявшие в стременах ноги. Конь постоял с минуту в недоумении и, должно быть, чуя недоброе, повернул и побрел назад, в Соколивку.

В Подгородне и Павловке тоже оказались махновцы, и Халимону довелось, проскакав по Черному яру, перемахнуть через Ивановскую гору и скрыться в балках. Пока он добрался к своим, пока опять собрали силы, чтобы нанести окончательный удар по бандам, прошло немало времени.

А Лаврина конь донес в слободу, он очнулся как раз у Первого брода. Придерживаясь за стены Халимоновой хаты, он забрел в нее, плюхнулся на кровать, достал гранату и сказал:

— А мужик твой чуть не угробил меня... Ты и будешь выхаживать. Не то — подорву вместе с хатой.

Халимон об этом, разумеется, ничего не знал, а ехал, вспоминая обо всем, что случилось тогда, радовался скорой встрече с домашним уютом и теплом, без коих маялся в седле по растревоженным степям Украины не один месяц. Там, где у них вышла с Лаврином смертная стычка, Халимон натянул поводья, осаживая коня, вгляделся в придорожный бурьян, покрытый изморозью, но никакого холмика не обнаружил. «Наверное, где-то подальше захоронили, а может, и волки растерзали»,— прикинул он про себя.

Уже за Первым бродом Халимон и вправду услышал желанный запах недавно испеченного хлеба и потянулся свернуть в боковую калитку, но вдруг насторожился, не выпуская из головы тот случай с Лаврином, и снова, как тогда, поехал низом огорода к садку, спешился, привязал коня — не торопясь, прислушиваясь.

И хотя, по всем сведениям, Соколивка была освобождена от банд, он все же на этот раз прихватил с собой винтовку и отправился вдоль той же дерезы к подворью, всматриваясь сквозь поредевший на бугре туман в черные оконца хаты.

Он уже видел все подворье от парадной до боковой калитки, различал плоские камни у порога, как вдруг клацнула щеколда, приоткрылась наружная дверь и из-за нее показалась женская голова. «Магдалина!» Сердце защемило, и Халимон, боясь напугать ее, прошептал:

— Магдалина.

Она, судя по всему, не услышала, а окликнуть погромче удерживала боязнь напугать ее и еще что-то необъяснимое, как предчувствие.

Магдалина выбралась из сеней, прикрыла дверь, огляделась — Халимону даже показалось, что она и на него глянула,— и засеменила к боковой калитке. Была она в теплом платке, в короткой плюшевой бекешке и сильно клонилась на бок. Халимон, привстав на цыпочки, увидел, что в правой руке она тащит узел. Подталкиваемый любопытством, Халимон пошел за ней. Но не одно любопытство уже двигало им — какая-то тревога нарастала в его груди с каждым его и ее шагом.

Магдалина спустилась к реке, прошла к броду, свернула в заросли камыша, и тут Халимон услышал приглушенный зов:

— Сюда, сюда. Я здесь.

Затаив дыхание, отчего сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди, Халимон подкрался совсем близко, неслышно ступая по мягкой, еще зеленой под изморозью приречной траве. Тучи, шедшие по небу то сплошняком, то с разрывами, на этот раз скрыли месяц наглухо, и Халимон, как ни силился, ничего не мог разглядеть в темени.

— Кони тут рядом, на озере,— снова послышался тихий шепот.

Раздался плеск воды, и Халимону сделалось душно и жарко от внезапной догадки, что он сейчас упустит самое главное в своей жизни из того, что не раз упускал по мужицкой нерасторопности и беспечности, а еще по неосознанной доброте своей. За Первым бродом по Заречью тянулись, петляя, заочеретенные озера, меж ними кое-где еще уцелели талы и терновниковые заросли, так что в самый раз надежно было там укрыться беглецам. Отсюда наконец можно было податься в любую сторону света, а там — ищи-свищи. И Халимон, собрав в себе всю волю, все свои силы, прыгнул в проход, куда скрылась Магдалина, под ним чавкнула и хлестнула в лицо холодная вонючая жижа, но он ее не услышал и не почувствовал, а только звон стоял в его голове, и он, в прыжке успев заслать патрон в ствол, крикнул звенящим от сдерживаемого волнения голосом:

— Стой, стрелять буду!

В это время, будто по его желанию, вынырнул из-за туч месяц, под ним ровно, зеркально засветилась вода на плесе по левую сторону брода, и на ее фоне вырисовывались две фигуры в каюке — мужская и женская. Оба они, и мужчина и женщина, обернули головы к Халимону и, застигнутые врасплох, застыли так на мгновение.

Халимон нисколько не удивился, неожиданно признав в мужчине Лаврентия Бруса. Его не удивило то, что Лаврин остался в живых, ни даже, более того, что он оказался в каком-то сговоре с Магдалиной.

— Халимон, дважды не убивают,— наконец отозвался Лаврентий. Он попросил тихо, и както чересчур низко опустил плечо, и вдруг выхватил из-за него обрез.

Но Халимон был уже многому научен и знал подобные ухищрения, он даже успел заметить, что Магдалина, его Магдалина, уловив, пожалуй, одним бабьим обостренным чутьем, что Халимон опережает ее полюбовника, ткнулась Лаврентию в грудь и закрыла его собой; во вспышке, вырвавшейся из ствола, Халимон ясно увидел, как вздрогнула ее спина, и Магдалина сникла; ее тело обвисло, но руки, сплетенные на затылке Бруса, не давали ей упасть; Брус, не отталкивая ее, а, напротив, прячась за ее телом, выстрелил в ответ, но сослепу, наугад. Халимон и это предвидел — ответный выстрел и еще до того отпрянул в тень, которая наплывала от туч на него слева. И Лаврентий и Магдалина еще были освещены яркой луной, и было видно, как Магдалина повернула голову в ту сторону, где только что стоял ее муж, и, казалось, пристально вгляделась потухающими глазами: возможно, она хотела удостовериться, жив ли он, а может, в ней, теряющей рассудок, шевельнулась жалость к мужу. Об этом некогда было в тот миг раздумывать, и Халимон, боясь того, что он снова упускает Бруса — каюк по воле течения отходил и отходил от камыша все дальше, дальше, к тому берегу, а Лаврентий, не отталкивая Магдалины, спешил перезарядить за ее спиной обрез, и Халимон одна за другой всадил две пули кряду в их слитые тела. Тучи теперь скрыли не только его, а и каюк с беглецами. Вброд он не рисковал броситься за ними: удерживали не столько ледяной холодности вода и глубина по осени в этом месте, сколько безвестность, жив ли Брус, не притаился ли, чтобы наверняка прицелиться и убить его наповал. И за конем бежать было далеко — за это время уйдет Брус.

Стало тихо. Халимон притаился, выжидая появления месяца. Тучи, как на беду, вновь пошли сплошняком, и ничего нельзя было разглядеть в окружности.

Халимон следил за тем берегом, за светлой полоской далекого горизонта над ним, но никто не появлялся на крутом склоне, и он, поводя глазами то влево, то вправо, просматривал пространство и по обеим сторонам брода, надеясь приметить либо ползущего, либо перебегающего Бруса. Однако кругом все было тихо. До его слуха донеслось лишь журчание воды — под левым берегом, крутым и прочным, вода на броде шла быстро, напористо, водоворотясь и всплескиваясь. Это были первые звуки извне, которые дошли до сознания Халимона после того, как он выстрелил. И еще какое-то время утекло, и Халимон ощутил ноги, они ныли в согнутых коленях. «Небось, жив,— подумал он о Брусе,— и Магдалину не бросает. Должно, ранена. А нет — любовь тогда у них нераздельная...» И ненависть вперемежку с обидой горячо хлынула ему в голову. И ненависть и обида в единстве своем были жгучей ревностью, но Халимон не способен был в точности определить свое состояние.

Снова пробился ясный месяц, но Халимон, забегав по сторонам, суетным прицепливым взглядом никак не мог отыскать каюк. Лаврентий и Магдалина как в воду канули. «Что за черт?» — вырвалось у него, и тут же он притих, вновь затаился, ожидая выстрела на свой неосторожный возглас. Но по-прежнему в камышах и над рекой стояла тишина, только под крутым левым берегом монотонно булькала вода. Халимон, не разгибаясь, вприсядку перебрался поближе к течению, вытянул шею и выглянул. И снова никого. Тогда он выпрямился во весь рост. И опять ни выстрела, ни окрика — глухо и немо было кругом. «А, стерва!»— ругнулся Халимон. Проходя вдоль берега, он остановился, присел, вскидывая винтовку: по реке течением от брода выносило на середину широкого плеса каюк. С положения, в котором был Халимон, каюк отлично просматривался — чернеющий, с четкими очертаниями на серебристой под лунным светом воде, и в нем — два тела, лежавшие впокат, чья-то рука свесилась за борт, в воду.

Халимон, на всякий случай все еще хоронясь за камышовой стенкой с длинными просветами, прошел по берегу вслед за каюком, вглядываясь в него и прислушиваясь, но там не было признаков жизни, и тогда он, в последний раз проводя недоверчивым взглядом каюк, что есть духу побежал на свое подворье, отвязал коня и выехал низом к реке. Где-то близ слободской окраины послышались голоса.

— Кто стрелял, а? — грубо спросили неподалеку от Халимоновой хаты.

— Откуда я знаю! — ответил другой голос.— Тут чего угодно можно ожидать... Даже кукурузные бодылья могут стрелять — места такие погибельные. Того и гляди...

— Вот и смотри, чтоб голову тебе не отделили от туловища! — весело и властно приказал прежний голос.

— Да по мне один хрен, ежели на то пойдет,— столько не спавши.

— А другие как? Им, поди, жальче своей головы.

— Да может...

— Ну, то-то.

Благо, ветер дул в спину, и топот копыт Халимонова коня не мог быть услышан на окраине Соколивки, откуда раздавались голоса очнувшихся и забеспокоившихся дозорных. Ему никого не хотелось приобщать к своей беде, и потому он не повернул обратно, чтобы вместе с дозорными выловить каюк. Да и воинский устав был нарушен им, так что Халимон пришпорил коня, торопясь до рассвета, до исчезновения тумана успеть вернуться в Павловку, где он должен как ни в чем не бывало при побудке предстать на поверку.

Тем же путем перебравшись по Казачьему броду на ту сторону Соленой, Халимон спешился, напоил с горстей коня, опасаясь, как бы не захолодить его нутра, взял затем коня под уздцы и побрел к клуне. Окрест клуни и в ней самой все так же было спокойно. Предутренний сон был особо крепок, и никто даже не шевельнулся, когда Халимон укладывался на своем месте. И только здесь, лежа рядом со своими товарищами на теплом сене, среди недавно чужих и ставших теперь близкими, как братья, людей, Халимон отошел, отмяк, но вместе с тем к нему явилось и иное чувство — сосущая сердце горечь оттого, что самый близкий и родной, как ему казалось, человек предал его, в то время как он и для нее же, Магдалины, боролся за мир и покой на земле, и ему непонятен был смысл ее измены, а поскольку измена эта совершена была с его врагом, то и думалось об этом соответственно — как о предательстве. Об этом же были его думы и тогда, когда он качался в седле поутру, направляясь с отрядом по Ивановской горе, и когда спешился на подворье церковноприходской школы, что стояла на их пути,— отряд расположился там в ожидании нового приказа. Школа, которую Халимон так и не закончил в свое время, не вызвала в нем при этой встрече с нею должного оживления. Был он противу обычности своей хмур, неразговорчив.

— Ты чего такой с утра-то? — спросил один из бойцов. Халимон даже не глянул на него. А тот продолжал: — Это вот насчет того, что с утра... Был у нас на руднике один веселый человек... Н-да-а. Работать не работал — калечный был, углекоп. И пил. И дошел, что называется, до потери облика человеческого. Пришел он однажды к хозяину шахты и сказал: «А я вас ночью-то видел с энтой. Одним словом, видел». «И чего же ты хочешь?» — спрашивает тот. «А ничего. Могу и рассказать кому зря. Так, язык почесать ради». «Ну?» «За последствия и ручаться не буду. Куда вывезет. Молва норовистая, по бороздам не ходит». «Тебе что, на водку не хватает?» «И на похмелку тоже». «Сколько ты будешь похмеляться?» «Ежеутренне. Стало быть, шесть раз на святой неделе. А всего требуется шестьсот граммов. В монетах это выражается... Сами знаете как». И так он повторял свои приходы к хозяину, пока тот не надумал сжить его со свету. Да тут революция, и остался горемыка вне опасности. А то бы несдобровать ему: лют хозяин был! А огласки все же боялся, потому как с женой управляющего завелись у него шашни. Вот и прикидываю я, не с похмелья, часом, Похила такой сегодня? Не балабонит, не поет. Или тебя блоха укусила?

— А разве были блохи-то? — усомнился всерьез совсем юный боец, чуть ли не подросток.— Я спал как убитый!

— Убитый? — Халимон встрепенулся и глянул исподлобья на говорившего.

— Ну! А дома бывало-о... Жучили до невозможности. Дак я из избы да на чердак, в сенцо духмянистое, с полынком бухнусь — задыхаешься, зато ни одной блошины. Сны, правда, навалом шли.

— Вот чудак! На гулянку надо было ходить,— посоветовал кто-то из старших бойцов.— Умиротворяет, еще как!

— Ну, уж умиротворяет,— сказал паренек.— Разыграешься с девкой—еще больше сны одолевают.

— Сбегал бы в слободу да на голую бабу поглядел — хоть глаза потешил бы.

— Как так на голую? — опешил парень, а глаза его оживились и заблестели бездумно.

— А в комитете. Лежит там на подворье среди этих... чубатых... Для опознания покладена. Интересное дело. Говорят, в челне с махновцем отъявленным найдена. И хлеб в узле, и одежонки теплой припас. Драпануть, никак, собирались... Сшил их кто-то намертво. Так в обнимку и лежали. И крови полчелна. Течением несло их, что ли? В центре слободы выловили. Вот дела-а! По всему видать, местные, а никто не признает, не заявляет — запуганы люди-то. Думают, а вдруг перевернется все, властя поменяются? Ты бы, Похила, съездил, поглядел. Слобода-то, кажется, твоя?

— Власть больше не переменится! — убежденно сказал юный боец и этим спас Халимона от неизбежного ответа.— Я уж потерплю, перемогусь как-нибудь с гулянками-то, пока власть эту народную не укреплю окончательно и бесповоротно. А как свершим все дела — сразу же бабу заведу. И всех на свадьбу кликну. Похилу вот кошевым назначим, чтобы ковшом брагу черпал.

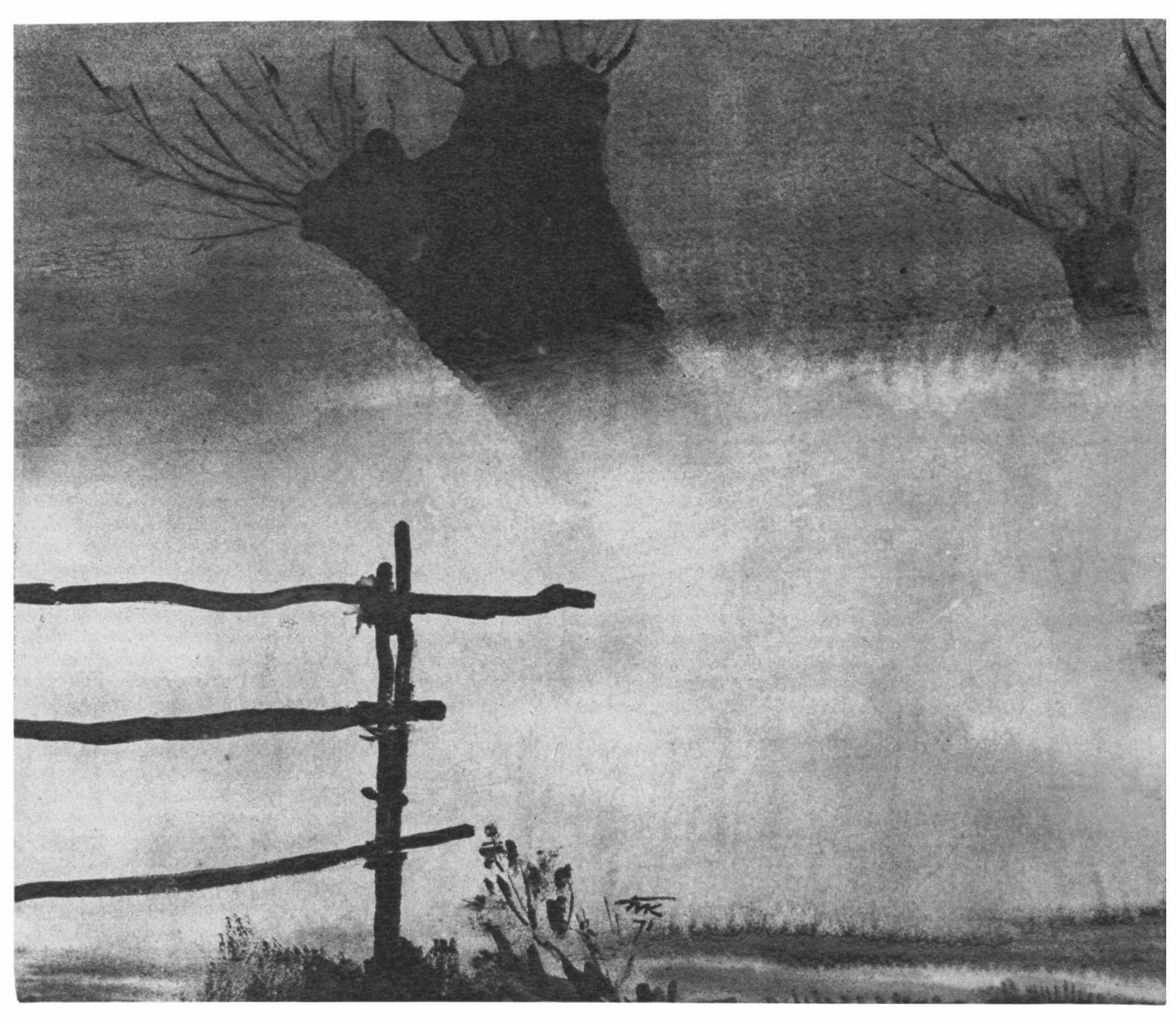
Халимон мало-помалу пришел в себя, прислушиваясь к разговору и стараясь ничем не выдать волнения, охватившего его после упоминания об убитых в челне.

— Согласишься, товарищ Похила? — спросил парень.— Такого веселого человека, признаться, я сроду не видывал. Да и во всей нашей деревне на Орловщине такого не отыщешь. Так что я с полным сурьезом.

Халимону ничего не оставалось, как поднять глаза и посмотреть на него. Лицо парня светилось блаженной предвкушаемой радостью от застольного веселья на свадьбе, от общения с будущей молодухой. Сейчас ему было ровным счетом все нипочем, а главное — доживет он до тех давно ожидаемых им и обдуманных в подробности дней, нет ли, он уже был весь там, независимо от войны, от смертельной опасности, которая могла подстеречь его в любой день, в любую минуту. И его доверчивые глаза светились верой и надеждой. Халимону подумалось даже, что надо бы таких вот юных, безусых хлопцев уберечь от пуль и наглой смерти и от развращения души,— столько им выпало видеть по селам всяких ужасов и надругательств, чинимых над мирными жителями бандой. И от этих мыслей явилось нужное самообладание.

— А чего же? — ответил Халимон.— Дай только знать — прибуду!

И странно, Халимон не чувствовал неприязни к парню за то, что тот готов был бежать в слободу на обозрение его Магдалины. Но эта мысль все же оказалась стойкой. Халимон и сам не заметил, как начал терзаться тем, что Магдалина, хоть и мертва, лежит там среди мужиков, а еще больше его мучило то, что это, в сущности, неслыханное постыдство по слободским обычаям вышло из-за него. Ведь в слободе издавна, сколько помнил он себя, постыдным считалось оголять даже колени. Так уж сложилось. Будь по мирному времени, отпустил бы на все четыре стороны, в нем решимости на такое хватило бы, он это знал теперь наверно.

Халимон уже решил, что делать, и никак не мог дождаться ночи, а дождавшись, сел на коня и стал спускаться под гору, не придерживаясь дороги. Постовых теперь нечего было бояться, они и сами передремывали, ибо в округе упрочилось долгожданное затишье, выстрелов с полдня не слышно было, да и опасаться нечего: Махно с остатками потрепанных отрядов бежал в сторону Синельникова, а тех, кто прятался в одиночку с прошлой ночи, до обеда выловили и обезвредили.

Пошел мелкий снег. Он был неторопкий, какой-то ленивый в безветрии. Халимон радовался ему, как радовался в прошлую ночь туману.

В подворье комитета он поначалу не заехал, а осмотрел въезд, улицу. В этом одноэтажном доме некогда помещалось волостное правление. Забор, как и само здание, был кирпичный, с железными воротами и калиткой. Собственно, и ни к чему было охранять убитых, от них, пожалуй, и родственники поотказывались, боясь даже формальной причастности.

Снег все шел, он делался гуще и гуще, и Халимон решительно повернул через зады на подворье.

Все они, как и представлял Халимон, лежали рядышком вдоль сарайчика под небольшим навесом, ноги их торчали из-под него и, холодные, уже покрылись нетающим снегом. Магдалина лежала с краю, но не обособленно, а, должно быть, с **ним**, Брусом, рядом. Халимон, бегло окинув всех и найдя ее, старался не смотреть на **него**, как и на саму Магдалину, которая, к его неожиданной радости, была все же в нательной рубахе. Он расстегнул и

стащил с седла шинель, обернул тело Магдалины и взгромоздил его впереди седла поперек лошадиной спины, сел вслед за этим в седло и не удержался, оглянулся на Лаврина: на груди слева у него чернела рана, видимо, попал Халимон тогда, когда Магдалина оглянулась, бездумно приоткрывая один его бок, чтобы убедиться, жив ли ее муж; так подумалось Халимону, и он снова вспомнил тот ее взгляд и вновь попытался постичь его скрытый смысл — жалость ли в том взгляде блеснула тогда, отчаяние, страх ли за Лаврина или за

Оттого, что Магдалина, наряженная в святочную одежду, находилась в родной хате, она снова казалась родной и любимой, такой, какой он знал ее до прошлой ночи.

Халимон отыскал в сенцах лом и лопату и побрел через боковую калитку в ярок, где земля была даже не приморожена, и принялся долбить яму.

Долбил он долго, снег давно перестал, но Халимон этого не замечал, а все долбил и долбил, ощущая лишь, как жарко пышет его спина под гимнастеркой. Закончив, он вернулся

Халимона, раскаяние ль было в нем, том взгляде,— никто об этом, понятно, не мог знать, кроме нее самой, а теперь скрытом от Халимона навечно; Лаврентий, пожалуй, был самым рослым среди лежащих, самым крепким и красивым. Халимон нашел в себе силы признать это превосходство Лаврентия и над собой самим, и он позавидовал мертвому, его стати, его природной видности, что ли. Таким ухарем можно было обольститься. Халимон вздохнул. Он все же не мог постичь такого внезапного попрания его чувств Магдалиной.

А потом Халимон дернул поводья и медленно выехал огородами к горе, свернул мимо кладбища, чтобы никого не встретить на пути.

Дома было пусто. Но по ералашу в хате, по перевернутым табуреткам и содранным и брошенным на пол с лежанки ряднам было видно, что кто-то в светелке и спаленке чего-то доискивался. Не исключено, что Магдалину уже опознали и искали новых сообщников или каких-либо улик и против самого Халимона.

Конь понуро стоял у порога. Халимон снял Магдалину, занес в хату и так, в шинели, уложил на стол посреди комнаты. От снега в окнах было светло, и разжигать керосиновую лампу не нужно было. Халимон достал из скрыни, наполовину уже пустой, вышитую кофточку, атласную юбку, цветастый платок — все, что мог отыскать, и, находясь в каком-то отрешении, одел Магдалину. И когда одел, отважился взглянуть ей в лицо. Оно было бледно, покойно, умиротворенно, на нем и следа не осталось от того выражения, с каким она тогда оглянулась в ту сторону, откуда послышался окрик Халимона, откуда он выстрелил в тот миг и куда вслед за этим пальнул и Лаврентий. И это успокоило Халимона.

в хату. Конь так же понуро стоял, переминаясь с ноги на ногу, у порога и обнюхивал плоские камни.

Свернув полы шинели над телом Магдалины, Халимон понес ее, держа впереди себя, из хаты, со двора, подле вырытой ямы он приспустился на колени и уложил ее на свежую землю. Перед тем как захоронить, Халимон перекрестил ей бледный лоб, а заодно и сведенные им на груди руки и всю ее три раза, затем, вынув из шинели и опустив в яму, накрыл ей лицо рушником, снятым в углу спальни с маленькой иконки, повешенной там еще его набожной матерью. Закопав могилу, Халимон устало выпрямился и побрел к дому, уже не заботясь, увидит ли его кто. Зайдя в хату, он также ничуть не поразился, обнаружив в ней сидящих с винтовками двух красноармейцев. По всей видимости, они давно уже сторожили его хату и наблюдали за тем, что он делал.

— Та-а-к,— врастяжку проговорил один из них с отчужденным спокойствием и холодностью.— Махновское логово развел у себя дома, Похила!

Он не сказал ни «товарищ боец», ни просто «товарищ», ни даже «боец», а только «Похила», и этого было достаточно, чтобы почувствовать презрение и одновременно приговор.

— Будешь чего рассказывать или как? — спросил второй боец.

Халимон открыто посмотрел на одного, потом на другого и тихо, осиливая свою потерянность, вымолвил:

— Не совладал с сердцем.

— Трогательные слова говоришь, но мы не из жалостливых! — резко оборвал его первый боец.— Следуй вперед! — Он встал, взял винтовку наперевес.

— А может, еще чего?..— неуверенно сказал второй, но тоже привстал и поднял стоявшую прикладом на полу винтовку.

Халимон шел по подворью словно бы один, без конвоя. Он свернул в сарайчик, и бойцы последовали за ним, хотя предварительно и клацнули затворами. Халимон, зайдя в хлевик, где тоскливо навстречу ему замычала недоеная корова, дернул пучок сена из охапки, припасенной в углу еще Магдалиной, протянул его корове, погладил другой рукой ее по мокрым губам, сам понюхал сено и, крутнувшись, вышел, ни на кого из бойцов не взглянув.

Они вывели его через ту же боковую калитку, через которую он только что выносил тело Магдалины, провели к Волчьей и поставили на краю обрыва. Было уже светло, земля бело стлалась по зареченским далям, а спереди, за хатой, взбиралась покато на гору; яров нельзя было различить из-за снега, и гора казалась ровной и гладкой. Над крышами хат в слободе уже подымались ранние дымы, не было дыма только над Халимоновой хатой.

С него сорвали петлицы, сняли шапку со звездой.

Халимон все это время находился как бы в полусне. Оставшись один перед уже вскинутыми винтовками, он вдруг опустил глаза и глянул на свои сапоги. Сапоги были новые, кожаные, недавно полученные взамен потертых и избитых.

— Обождите,— сказал он и, нагнувшись, стащил один за другим оба сапога.— Кому-нибудь сгодятся еще. А то с убитого снимать негоже.

Отставил их в сторону, не торопясь подровнял каблуки. Теперь он стоял босой у края обрыва и отрешенно глядел поверх голов красноармейцев, несколько замявшихся после того, как Халимон снял сапоги. И ему ничего не было жалко: он все же убил Лаврентия Бруса, этого врага заматерелого, и перед Магдалиной был по-христиански честен — захоронил ее, а свою вину перед боевыми товарищами — Халимон был уверен, что вина его все же есть,— он искупал собственной жизнью. Но ему было жалко расставаться вот с этой чистой под первым снегом землей, которую и он отвоевывал, как мог, для себя, для других. Из-за маеты и нарадоваться-то было некогда на эту вольную теперь землю.

Белый мир стлался во все концы перед ним, а он, прощаясь с ним, боялся одного — взглянуть в глаза бойцам, нерешительно топтавшимся в нескольких шагах впереди, и увидеть в ком-нибудь из них жалость: сам-то он считал, что с ним поступают по правде.

Халимон первым увидел, как из-за его хаты вылетел на всем скаку конник, на крутом повороте длинный хвост занесло, и конь изогнулся дугой.

— Стойте! Стойте! — прокричал конник и выстрелил в воздух.

Но один из бойцов, который был резок и суров с Халимоном, уже нажал на спусковой крючок, и вслед за выстрелом конника громыхнул и второй, после которого Халимон, еле удерживаясь на ногах, чтобы не упасть с кручи, стал медленно заваливаться лицом вперед. Он еще увидел, как бойцы оглянулись на скакавшего к ним и грозившего кулаком конника, и затем, уже лежа, прижимаясь щекой к холодной, заснеженной земле, он закрыл глаза и почувствовал вдруг, что плачет и снег под щекой тает от горячих слез и крови, залившей висок, ухо и всю щеку.

Все последующие минуты пошли вне его сознания. И часы и даже дни, пока он не опамятовался.

По счастливой случайности, а вернее всего, благодаря волнению, в котором находился боец, чинивший самосуд, выстрел был неточен, и рана оказалась несмертельной.

Установив истину и подлечив как следует быть, Халимона все же посадили на гауптвахту за самоотлучку, а затем полностью выдали новое, как с иголочки, обмундирование, и командир, смягчившись, вручил ему личный подарок — трофейные часы фирмы Буре.

— Ты, товарищ Похила,—сказал командир,— одолел в гражданской войне, пожалуй, самое главное — себя! И отныне должен воевать вполне сознательно.

Донецк.

Сергей Бондарчук, Евгений Матвеев.

Тамара Макарова.

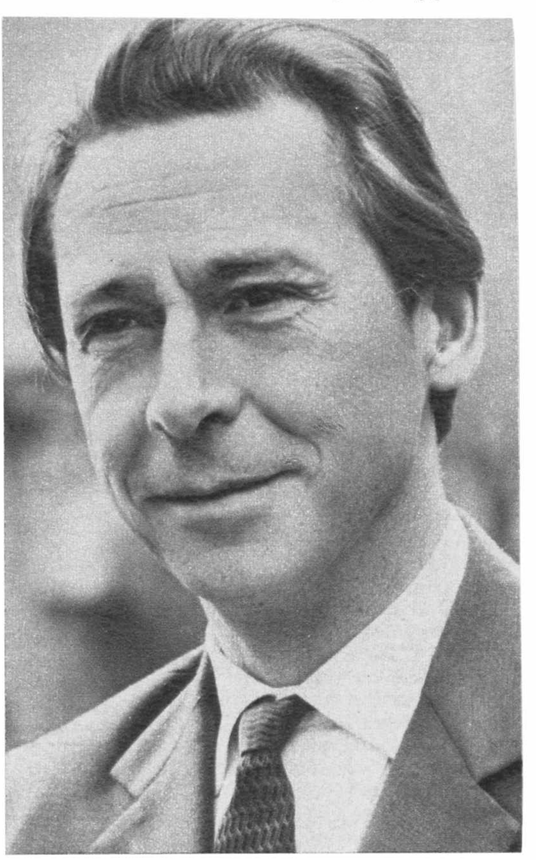
Наталья Величко.

Олег Ефремов.

Инна Чурикова.

МАСТЕРА К РАССКАЗЫВ

Союз кинематографистов СССР награжден орденом Ленина. «Огонек» обратился к известным мастерам кино, актерам и режиссерам с просьбой рассказать о ближайших планах работы, о предстоящих поездках, об образах героев, только что созданных и вновь задуманных. Словом, обо всем, чем полны их нынешние, горячие дни...

Валентина Теличкина

Евгений Григорьев, Андрей Михалков-Кончаловский.

ИНО

АЮТ

Сергей Бондарчук и Евгений Матвеев.

Встретились единомышленники-шолоховцы. Режиссер и артист Евгений Матвеев с волнением рассказывает о только что законченной им работе над фильмом, в основу которого положен ранний рассказ М. А. Шолохова «Смертный враг». А кому же, как не Сергею Бондарчуку, знать о неисчерпаемых киновозможностях, которые таит в себе творчество Михаила Шолохова... Многие еще страницы шолоховских произведений ждут своего воплощения на экране; многие актеры отдадут свой талант шолоховским образам...

— Когда я обратился к драматургии «Смертного врага»,— говорит Е. Матвеев,— мне особенно важен был большой творческий опыт С. Ф. Бондарчука. В памяти постоянно возникали образы «Судьбы человека» с их потрясающей жизненностью, тонким проникновением в психологию каждого героя, и прежде всего Андрея Соколова, покорившего зрителей всего мира...

Советская классическая литература дает нам, работникам кино, возможность образно понять становление советского народа как новой исторической формации... Это задача огромной важности; она стоит перед каждым, кто берется экранизировать советскую литературу и особенно классику.

Тамара Макарова.

— На нас, педагогах киновузов, лежит огромная ответственность за творческую судьбу питомцев...

Шлифуя грани таланта, который будет отдан людям, мы, педагоги, ставим перед каждым новым поколением учеников новые задачи. Для решения этих задач надо быть всегда во всеоружии знаний, опыта, твердой убежденности в истинах, открываемых жизнью народа.

Сейчас все наше внимание, как никогда, устремлено к молодежи. Мы должны еще серьезнее заниматься формированием внутреннего мира молодежи, воспитывать высокий вкус, учить ее быть требовательнее прежде всего к себе самой...

Эта задача вдохновляет. Разумеется, она требует много сил, но и сама дает нам новые силы. А сейчас требуются утроенные, удесятеренные силы, чтобы оправдать ту награду, которой удостоены деятели кино. Орден Ленина на знамени нашего союза — это свидетельство большого доверия, веры в будущее нашего киноискусства, которое предстоит делать нашим ученикам...

Инна Чурикова.

— Я много писем получаю от зрителей, где меня спрашивают об обеих моих героинях по фильмам «В огне брода нет» и «Начало»...

Я их обеих люблю, они мне кажутся родными. Они не столько совершают героические поступки, сколько готовы внутренне к высокому подвигу. И это мне в них очень дорого!.. В них, людях из народа, я вижу талантливость самого народа. Вижу ту в хорошем смысле слова утонченность чувств и глубину переживаний, какие свойственны и сегодня — я уверена в этом — советскому человеку... Он готов к подвигу всем складом своей человеческой натуры, духовной чистотой, искренностью побуждений...

Буду продолжать свои поиски в том же направлении. Буду оттачивать дальше собственное актерское умение: без него тоже нельзя добиться высокой правды в искусстве. Ведь именно она, правда жизни, которую несет советский экран зрителям, и оценена высокой наградой, полученной сейчас нашим союзом,— орденом Ленина. Эта награда для каждого из нас — новый старт. Новые, неизмеримо возросшие требования к творчеству...

Олег Ефремов.

— Для артистов театра кино подобно земле для Антея.

Прикоснувшись к реальной натуре, наши чувства тут подвергаются чудесным превращениям. Они будто заново возрождаются. Съемочные дни для нас — это всегда поездки по стране, встречи с интересными людьми... Артист обновляется, вдохнув живительную атмосферу подлинной жизни. Нам сразу как-то легче дышится, тверже шагается в наших тесных театральных кулисах...

Кинематограф — мой постоянный учитель. И, признаюсь, не такой уж добрый учитель: ничего он не прощает!.. Лучше всякого зеркала экран отражает наши несовершенства. Он не дает нам успокаиваться, как иногда успокаивают некоторых из нас аплодисменты в театре... За все это я несказанно благодарен кино, за это я люблю кино самой нежной, постоянной и мучительной любовью.

Андрей Михалков-Кончаловский и Евгений Григорьев.

— Непрестанно обсуждаем мы свою предстоящую совместную работу. Эти обсуждения, признаться, не проходят у нас гладко и просто, потому что каждый из нас волнуется, доказывая другому свое понимание, ви́дение будущего фильма... «Роман о влюбленных» — так будет называться этот фильм. Но мы не будем снимать ленту узколюбовного плана. Речь пойдет о любви в ее всеобъемлющем смысле, о любви, включающей в себя всю жизнь человека с традициями прошлого, с творческим трудом, семейным счастьем или несчастьем... Короче, мы хотим рассказать о влюбленности в жизнь. Наши герои — современники. Они должны вместить широту нашего времени, его большую напряженность, содержательность. Должны убеждать глубиной раздумий, страстностью порывов, беспредельностью мечты. В этом-то мы оба сходимся!

Валентина Теличкина.

— Роль Маши в чеховской «Чайке» — моя последняя работа. Она открыла мне много нового в понимании человека, женской души... А сегодня я взволнована новыми большими планами. Мечтаю сыграть современницу, в чей образ можно было бы вложить всю глубину переживаний женской натуры, открытую мной во время трудных «чеховских» поисков.

Фильм «Чайка» скоро выйдет на экраны. Я буду счастлива, если зрители воспримут душой и сердцем мои усилия, так же, как усилия режиссера Ю. Карасика. Мне не хотелось бы больше «маленьких» ролей! Хочу ролей крупных, ярких, достойных нашего замечательного зрителя.

Наталья Величко.

— Как никогда, огромны сегодня глубина и перспективность, социальная и художественная широта проблем киноискусства, обращенных в будущее народа. И ведь все это проблемы, определяющие жизнь, работу буквально каждого из нас!

Орден Ленина, полученный Союзом работников кино, станет теперь постоянным напоминанием высоких обязанностей всех нас перед советским народом.

Успех артиста невозможен без знания кино, без глубокого и прочного образования. И с каждым днем требования к нам возрастают... Мне хочется сказать о том, что нелепо собираться «идти в кино», как иногда собираются девушки и юноши после школы, без серьезнейшей подготовки, без широкого жизненного кругозора. Я помню, как сама снималась в «Тишине». С тех пор много ролей сыграно, а я снова и снова учусь, скоро получу диплом кинорежиссера... И не знаю, хватит ли мне этого: кино — профессия серьезная.

Н. ЗЫБИНА, Е. УМНОВ

Андрей ПЛОТНОВ,
заслуженный художник РСФСР

ПРАВДА НАШИХ ДНЕЙ

«СОЛНЫШКО»

«Куда ни посмотри, всюду видишь жизнь во всей ее полноте. Фу, черт, скажешь себе, сколько жизни! Она не даст упасть духом, сникнуть в ипохондрии или погрузиться в схоластические споры о живописной манере и форме. Тут надо не спорить, надо писать, и — так, чтобы было похоже! Похоже на жизнь. Здесь на каждом шагу, прямо на поверхности, рассыпаны живые, трогательные оптимистические мотивы. Словно специально для художника, художнику на радость!»

Эти слова сказаны замечательным мастером, академиком живописи Аркадием Александровичем Пластовым. И я немедля вспомнил их, когда встретился на выставке московских художников в Манеже, посвященной XXIV съезду партии, с его картиной «Солнышко».

Сюжет холста прост.

Под сенью яблони в истоме жаркого летнего дня мать и дитя. Покой. Тишина. Лишь шелест листьев да гудение пчел нарушают немое очарование сада. Вечная, как мир, тема.

Волшебная кисть Пластова заставляет забыть нас, что перед нами написанный холст, заключенный в раму. Мы видим саму жизнь. Мы будто дышим упоительным воздухом русского лета. Душистым, напоенным ароматом плодов и цветов. Мы попадаем в плен изумрудного мерцания листвы берез и яблонь, мы радуемся солнечным бликам, превратившим уголок сада в излучающий радость символ изобилия и материнства.

Такова сила истинного искусства. Глубокого, озаренного любовью художника к Человеку, к природе, к своей Родине.

О Пластове написаны сотни статей, издана не одна книга, посвященная его творчеству, но едва ли лучше скажешь об искусстве, о его задаче, чем сам живописец: «Мы раскуем в себе все то добро, что часто только дремлет на дне наших сердец, пустим в бой всю смелость, на какую способны наши души, всю дерзость наших мыслей, всю страсть желаний видеть, знать и любить все больше, все пламеннее нашу действительность и нашего современника».

И Аркадий Александрович Пластов всем своим замечательным творчеством, всеми своими великолепными полотнами утверждает правду нашей жизни.

«Создать эпопею крестьянского жития-бытия»—так определил свою задачу художник. Он стоит сегодня на пороге восьмидесятилетия. Его кисть мощна и свежа, палитра полнокровна. На выставке в Академии художеств, открытой сейчас, экспонируется его полотно «Письмо», датированное 1971 годом.

«ВЕЛИКАЯ НОЧЬ»

...Петроград. Октябрь. Ночь. Резкий, сырой ветер гонит сизые тучи, полощет алые стяги.

Навстречу ветру, наперекор непогоде шагают солдаты революции. Стальные шеренги. В призрачном свете прожектора поблескивают штыки, кожанки бойцов... Теплый свет фонаря выхватил из тьмы грузовик с красногвардейцами.

Воет злой ветер. Гулко звучат кованые сапоги по гранитной мостовой набережной Невы. Откуда-то доносятся отрывистые слова команды... «Левой, левой, левой...» Ревет непогода, рвет кумачовые полотнища флагов. «Вперед, заре навстречу»,— вдруг запевает молодой, свежий голос.

Темен Петроград. Застыли на том берегу черные громады дворцов, еле виднеется купол Исаакия. В ночной мгле светится лишь один-единственный оранжевый светлячок. Чье-то бессонное окно. Тревога. Она в трепетном свете, мерцающем на бледных лицах людей, в багровых сполохах знамен, в колких высверках штыков.

«Великая ночь» — назвал свою картину художник Виктор Цыплаков. И это ощущение величия совершаемого, грандиозности события не покидает нас. Взволнованность, искренность картины заставляет как бы стать соучастником, свидетелем великого кануна Октября. Ярок пластический язык живописи «Великой ночи». Огромный холст написан словно на одном дыхании. Мы явственно ощущаем каждый удар верной кисти мастера. Мы будто слышим биение его сердца. И это состояние подъема и творческого восторга передается зрителю... Мы словно в одно мгновение переносимся в те далекие, овеянные романтикой часы, когда решалась судьба России... Слышим сухие хлопки выстрелов, чеканный, непреклонный шаг красных бойцов. Видим, как в призрачном, трепетном свете октябрьской ночи рождается новая история человечества.

Вспомним почти тридцатилетний творческий путь художника. С самых первых шагов, со своей дипломной работы «Чапаев», Виктор Григорьевич — настоящий живописец, истинный мастер московской школы, воплощающей лучшие традиции таких мастеров, как Константин Коровин, Игорь Грабарь, Сергей Герасимов...

К сожалению, мало известны широкому зрителю великолепные пейзажи Цыплакова, в которых с редкой силой и колористическим блеском раскрыта палитра русской природы. Серебряно-бирюзовые зимы, лазоревые весны, буйные разноцветья лета, багряно-червонная краса осени... Цыплаков создал пейзажную сюиту, которая, пожалуй, еще не нашла достойной оценки.

Более известен холст «Ленин», написанный Цыплаковым и ставший ныне хрестоматийным.

«Великая ночь» экспонирована на выставке Академии художеств, где рядом с картиной представлены пейзажные работы художника. В двух из них, «Костер» и «Вечер», Цыплаков как бы изучает состояние осенней ночи. И эти этюдные пробы раскрывают нам всю сложную подготовку к живописному решению большого полотна.

Мало кто знает, какой ценой, какими усилиями тяжело больной художник вопреки недугу все же довел, дописал с таким подъемом картину. Можно только поражаться тому заряду энергии и любви, которые позволили Виктору Цыплакову свершить этот поистине подвиг живописца.

«Великая ночь». Большая победа воли и твердости характера советского художника-патриота. Победа истинной любви к живописи, к искусству... Но известно, что одного желания в живописи еще мало, нужно еще истинное пластическое воплощение мечты. И вот, еще и еще раз вглядываясь в полотно Виктора Цыплакова, хочется поздравить этого мужественного человека и художника с большой человеческой и художнической победой.

Думается, настала пора издать книгу о творчестве Цыплакова.

«ПОДМОСКОВНАЯ РОЩА»

На академической выставке работам Юрия Ивановича Пименова отведен целый зал. Двадцать семь работ экспонированы на его стенах. Даты исполнения — 1966—1971 годы. На табличках год рождения художника — 1903-й. Мастер находится в преддверии семидесятилетия.

Нельзя не поражаться остроте, чисто юношескому задору и свежести композиций Пименова. Его неуемность в поисках примет нового в жизни своего родного города Москвы заставляет по-хорошему завидовать темпераменту и ощущению времени, присущему каждой работе этого оригинального и своеобразного живописца.

Время. Как порою неуловимо его движение... Как порою художник, замкнувшись в своей мастерской, упускает, не замечает огромных и малых перемен, происходящих ежегодно, ежеминутно.

Пименов — редкий художник, владеющий не только кистью, но обладающий столь же свободной властью над словом:

«Каждый день нас охватывает поток жизни, порою он накрывает нас целиком энергией больших событий действительности, порою только задевает тихим краем, мокрой от дождя веткой, розовым облаком в вышине.

Все, что встречается за день,— огромно и поразительно разнообразно...

Кипение огромной страны, высокий темп ее жизни, самый разный характер окружающего, иногда грубый, иногда задушевный, остроумный или вульгарный, но всегда полнокровный до предела...

Душа искусства — тонкая душа, и чем сложнее и умнее будет становиться человек, тем богаче и умнее будет становиться его искусство. Искусство — дело интеллигентное, оно требует не умения ремесленника, а особого сложного строя души».

«Вечерняя окраина» — бирюзовые сумерки, ожерелье огней новых жилых кварталов, спешащие домой после работы люди. «Тихое кафе» — уютный уголок, в котором собрались посудачить подружки. «Опоздавшие» — гардероб театра и милые девчата, опоздавшие на спектакль, и десятки других холстов — эскизы декораций к пьесам А. Н. Островского, серия «Таинственный мир зрелищ», великолепные и умные натюрморты, стоящие порою целых рассказов, декоративные композиции, афиши.

«Подмосковная роща». Серебряный строй юных березок. Раннее утро. Легкий туман растворяет поток лучей солнца. Роща словно задернута жемчужной вуалью. По поляне бродят две девушки. Одна в лазурной косынке и сарафане собирает цветы. Вторая, похожая на лань — так тонок ее стан и так трепетна ее осанка,— на миг остановилась и замерла, любуясь утром. Две негритянки. Точеные, стройные березки, ведущие хоровод вокруг гостей из далеких стран... Как необычаен и современен этот сюжет, полный доброго чувства дружбы и гуманизма! Невольно вспоминаешь, глядя на это полотно, сложный и жестокий мир за кордоном нашей Родины. Перед тобой встает гордый и непреклонный образ Анджелы Дэвис.

Острый глаз. Мудрое, доброе сердце большого художника создало это маленькое по размеру, но очень емкое по ассоциациям и интересное по пластике полотно. В нем, как в капле, отражена «неповторимая и неповторяющаяся жизнь», как часто любит говорить сам мастер!

А. Пластов. СОЛНЫШКО.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС».

В Цыплаков.

ВЕЛИКАЯ НОЧЬ.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Ю. Пименов. ПОДМОСКОВНАЯ РОЩА.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

2 марта 1967 года вооруженные банды преступной контрреволюционной группы, возглавляемой Холденом Роберто, марионеткой империализма, захватили в плен пять героических членов партии Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), членов Организации ангольских женщин — Деолинду Родригиш, Ирену Коэн, Энграсию душ Сантуш, Терезу Афонсу и Лукрецию Паим.

Предатели ангольского народа в течение целого года подвергали отважных женщин зверским истязаниям, пытаясь сломить непоколебимую стойкость узниц, и в конце концов злодейски убили их.

Стихотворения, представленные здесь,— это нечто значительно большее, чем литературные произведения. Они написаны Деолиндой Родригиш во время заключения в подземных камерах лагеря Кинкузу.

Стихотворения Деолинды Родригиш — это обагренные кровью цветы, подаренные ею всем честным людям мира.

ПОСЛАНИЯ ЖИЗНИ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТИ

Деолинда РОДРИГИШ

Рис. Г. Завьяловой.

МАТЕРИ АФРИКЕ

Африка, мать моя, Африка!
Я, зачатая в чреве твоем,
Рожденная в колониальном водовороте,
Сосала твое черное молоко
И росла,
Чуть живая, но все же росла.
Юность моя пролетела,
Как падающая звезда
Пролетает по небу,
Когда умирает вождь племени...
А сегодня — я женщина,
Уж не знаю, женщина или старуха,
Но к тебе я взываю,
Африка, мать моя, Африка!

Ты, меня породившая,
Не можешь меня убить,
Не можешь проклясть
Свой слабый росток,
Не можешь!
Иначе
Нет будущего у тебя!

Не будь детоубийцей!
Ведь я — Ангола!
Твоя Ангола!
Не верь угнетателям
И друзьям угнетателей,
Не верь
Твоему самозваному сыну,
Они издеваются над тобой.
Ты, обманутая, попала в ловушку,
Ты не можешь понять,
Где правда, где ложь...
В своей вековой и невинной силе
Ты как будто ослепла,
Африка, мать моя, Африка,
Помогая самозваному сыну
Удушить меня,
Родное твое дитя,
Проткнуть меня копьями!

Угнетатель, и друг угнетателя,
И твой самозваный сын
Будут рады,
Услышав мой стон предсмертный!
Но, Африка!
Мать моя, Африка!
Мы с тобой связаны кровными узами,
Я люблю тебя
И все еще верю в тебя!

Сентябрь 1967.

ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ

Колченогий тюремный стол,
И на нем,
В самом центре,
Наша эмблема,
А вокруг стола
Три бойца нашей партии...

В этот час играет труба,
Поднимают на мачте
Флаг палачей...
А здесь, в камере,
Три бойца
Прославляют безымянных героев
Четвертого февраля,
Безымянных героев,
Погибших в сраженьях,
В застенках, в изгнаньи,
Воздают почести
Юным жертвам предательства,
Желают успеха отрядам,
Отправляющимся в глубь страны.

Победа народу Анголы
Под знаменами МПЛА!
Победа героическому Вьетнаму,
Африке и Латинской Америке!
Не отмеченная никакими часами,
Длится минута молчанья...
И три возрожденных голоса
Вырываются за стены камеры:
«Мы навеки вместе
С героическим нашим народом!»,
«Да здравствует ангольская революция!».

Слышны шаги...
Победа или Смерть!
Три сжатых кулака
Пронзают воздух камеры...
Победа или Смерть!
Победа или Смерть!

Февраль 1968.

Перевела с португальского
Лидия Некрасова.

ВЕСТИ ИЗ МИНИСТЕРСТВ

МИНИСТЕРСТВО ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ СССР

ХАБАРОВСК — ТОКИО

Хабаровский аэропорт стал международным. Отсюда 13 мая взлетел самолет АН-12 и взял курс на столицу Японии. Началась перевозка грузов по новой международной линии Аэрофлота Хабаровск — Токио. Пассажирские самолеты начнут регулярные рейсы по этому маршруту с первой половины июня.

В 1972 году самолеты из Хабаровска будут приземляться в аэропорту японского города Ниигата — побратима Хабаровска. Сейчас аэропорт Ниигаты еще не готов для приема современных реактивных самолетов.

Рост экономических связей между Советским Союзом и Японией сулит новой авиалинии хорошие перспективы.

Из Хабаровска самолеты Аэрофлота могут быстро и с комфортом доставить туристов в города Сибири, республик Средней Азии и другие районы нашей страны.

●

МИНИСТЕРСТВО МОРСКОГО ФЛОТА СССР

16 ТЫСЯЧ МИЛЬ ЗА КОРМОЙ

...По просторам Индийского океана двигался необычный караван судов: мощный танкер «Пекин» вел на буксире огромный плавучий док грузоподъемностью двадцать семь тысяч тонн.

Индийский океан встретил моряков легким ветерком. И тем не менее инженер-синоптик предупредил начальника экспедиции, капитана дальнего плавания Е. А. Малохатка: надвигается сильный шторм. Евгений Алексеевич не раз буксировал различные доки, краны. Но этот переход был исключительным: уж очень велик плавучий док, да и дорога небывало дальняя — 16 тысяч миль.

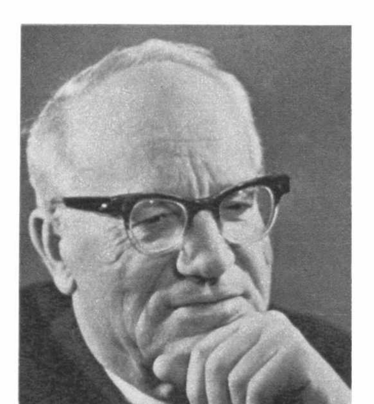
Синоптик не ошибся. Небо быстро потемнело, налетел порывистый ветер, на суда пошли семиметровые гривастые волны. Махина дока — 200 метров длиной, 42 метра шириной — валилась то на один, то на другой борт. Но моряки хорошо подготовились к встрече со стихией. Суда благополучно прибыли в Сингапур, а потом, миновав Японское море,— в Совгавань.

Небывалый переход через моря и океаны длился три с половиной месяца.

●

Петрусь БРОВКА

ИЗ КНИГИ «Я ВАМ СКА

* * *

Весной, когда река звенела
И снова в плаванье звала,
Милей волшебной каравеллы
Мне лодка скромная была.

Как водится у нас, дубицей
Моя посудина звалась.
Она стрелой, бывало, мчится,
Ветров и мелей не боясь.

Меня влекли речные дали,
И два весла, как два крыла,
В полете весело мелькали
Над гладью водного стекла.

Я греб, мечтая, торжествуя,
Средь пышных ив и лозняка.
Казалось, пò небу плыву я,
Как пух, развеяв облака.

Ах, ранний возраст — миг короткий,
Мальчишеский кипучий пыл!
Я и в любовь заплыл на лодке,
Довольно далеко заплыл...

Река вела меня сквозь время.
Все было на путях моих —
Водовороты, завихренья,
Но я выныривал из них.

Кто там о дряхлости, о смерти
Толкует? Лодка хороша.
Еще я в силах плыть, поверьте,
И к веслам приросла душа.

* * *

Когда ты день встречаешь свой
Строкою щедрой, как подарок,
Все поражает новизной,
Мир удивителен и ярок.
Глядишь на чистые листы,
Застигнут вдохновеньем ранним,
И кажется тебе, что ты
Спешишь на первое свиданье.

Внезапно осенит в ночи,
И вот уже тебе не спится.
Ты про себя стихи шепчи,
Чтоб им к утру не позабыться.
А утром думай лишь о том,
Чтоб выжила строфа ночная,
Чтоб люди не уснули днем,
Твоей бессоннице внимая.

* * *

Песня в душу мне запала
Жарким огоньком,
Та, что пела мать, бывало:
— Ой, челом, челом!

Бью челом родному дому,
Небу над селом,
Бору, житу молодому,
Ой, челом, челом!

Солнцу, что поля омыло
Светом и теплом,
Луговой тропинке милой,
Озеру — челом!

Ульям, свежий мед хранящим,
Схожий с янтарем.
Людям добрым, работящим,
Их трудам — челом!

* * *

Где средство от беды сердечной?
Где взять лекарство от обид?
Нет хуже боли той извечной,
Когда душа твоя болит.

Кругом смеются и танцуют,
Все, как должно на свете быть.
А я не слышу. Все ищу я,
Чем боль такую заглушить.

Хожу под колкими дождями,
Босой ступаю по росе,
Брожу под злобными ветрами,
Пока не выйдут силы все.

Усталый, с ног валюсь порою,
Не сладив с горестью своей.
От изнуренья тело ноет,
Но сердцу все-таки больней.

Меня и день и ночь тревожит
Недуг недремлющий его.
А та, что боль утишить может,
О ней не знает ничего.

* * *

Вечер тихий. Месяц в небе.
В сборе все созвездья.
Выйди ну хоть ненадолго.
Погуляем вместе.

Неподвижны на подушке
золотые косы.
Ладно... Выйдешь, как проснешься,
поглядим на росы.

Выходи! Щебечут птицы.
Не смолкают пчелы.
Солнышко над головою,
день такой веселый!

Выходи... Жара спадает.
Хоть часок побродим.
Собралòсь в дорогу солнце.
Мы его проводим.

...День и ночь тебя зову я.
Жду тебя давно я.
Выгляни хоть на минутку.
Ну, побудь со мною!

* * *

Большое создается малым:
Из желудя поднялся дуб,
С бревна начáлся крепкий сруб,
Был родничок реки началом.

С одной сосны начáлся бор,
С кирпичика пошел дворец,
С ворсистой ниточки — ковер,
С невинного обмана — лжец,
С беспечной искорки — пожар

Пусть этот вывод очень стар,
Но возникает вновь и вновь
Со взгляда первого любовь.

* * *

То ночь проспишь — не заметишь,
а то не смыкаешь глаз.
Каким он бывает разным —
глухой полуночный час!

Он черен и непрогляден,
когда тебя рядом нет.
Но если ко мне пришла ты,
в ночи возникает свет.

Один бесконечно маюсь,
медлителен путь ночной,
Но время летит мгновенно,
когда мы вдвоем с тобой.

* * *

Любуюсь лишь одной звездою,
Хоть в небе тысячи горят,
Как будто говорю с тобою
И твой ловлю далекий взгляд.

Мне кажется, в минуты эти
Звезда подмигивает мне
И с яркостью особой светит
В своей бездонной вышине.

Она, той странной дружбе рада,
Пожалуй, ближе мне, чем ты,
Что затерялась где-то рядом
В толпе, средь вечной суеты.

* * *

Ты вся в печалях, молодая.
Твоя дорога нелегка.
И я при встрече замечаю:
Тебя измучила тоска.

Усталость ранняя во взоре,
И душу стужею свело.
Хочу твое развеять горе,
Вернуть ушедшее тепло.

Чтоб с плеч твоих свалилась ноша,
Чтоб разошлась ночная мгла,
Чтоб ты, с лучом рассветным схожа,
Сама согреть меня смогла.

* * *

Вот какое невезенье!
Я влюбился в воскресенье.

Понедельничною ранью
Я послал свое признанье.

А во вторник встал с рассветом —
Почтальона ждал с ответом.

В среду сник я оттого, что
Все задерживалась почта.

Но надежду не отверг,
Терпеливо ждал в четверг.

Пятница пришла — ни звука.
Не пошла мне впрок наука.

Задал я себе работу —
Ждал чего-то и в субботу.

День воскресный... Я все чаще
Открывал почтовый ящик.

Что с моим признаньем сталось?
Непрочитанным осталось...

* * *

К чему твой раздраженный крик
И недовольство — напоказ?
Я к слову тихому привык
И к свету материнских глаз.

Не поучай и не кляни.
Что толку в ярости слепой?
Лишь только ласково взгляни,
И вот я — весь перед тобой.

Любые двери отворю,
Сквозь все препятствия прорвусь,
На искру каждую твою
Пожаром сердца отзовусь.

Перевел с белорусского
Яков Хелемский.

Рисунок А. Лурье.

СРАЖАЮЩАЯСЯ ПАРТИЯ

Со страниц этой книги перед читателем вновь предстает то суровое, незабываемое время, когда на полях сражений решался вопрос о судьбе нашей Родины. Речь идет о тяжелейшем для нее испытании — Великой Отечественной войне, о немеркнущем подвиге ленинской партии, приведшей наш народ к победе над смертельным врагом.

За четверть с лишним века, прошедшие после разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии, о тех всемирно-исторических событиях создано немало работ. Это и научные труды, и мемуары наших прославленных полководцев, и произведения советских писателей. Но особое место среди них занимает вышедшая недавно в свет первая книга 5-го тома «Истории КПСС», подготовленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [1].

Написанная в ярко выраженном историко-партийном плане, на основе широкого круга документальных источников, она, по существу, впервые достаточно полно и всесторонне воссоздает картину жизни и деятельности партии в предвоенные годы и в период борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков и японских милитаристов. В ней раскрыта организаторская и идеологическая работа партии, всех ее звеньев, начиная от ЦК и кончая первичными партийными организациями. В книге нашли отражение более 130 неизвестных читателям решений Центрального Комитета партии, его органов — Политбюро, Оргбюро и Секретариата, а также Государственного Комитета Обороны (ГКО). Все это позволило обстоятельно раскрыть особенности партийного руководства жизнью страны в 1938—1945 годах, показать характерные черты развития самой партии в тот период.

В первой части книги, охватывающей время с 1938 года до начала войны, освещена деятельность партии по подготовке страны к обороне от угрозы империалистической агрессии. Факты, цифры и сделанные на их основе выводы начисто опровергают неверные утверждения, имевшие место в некоторых работах историков и писателей, о якобы неподготовленности страны к войне, о крупных просчетах в этой области. Политбюро ЦК приняло в это время энергичные меры по увеличению военно-промышленного потенциала страны, укреплению вооруженных сил. Несмотря на то, что некоторые вопросы, связанные с обороной страны, решить не удалось, в книге обоснованно говорится, что «в целом же Советское государство в результате проделанной партией работы располагало мощной военной силой, необходимой для защиты завоеваний социализма».

Основное место в книге занимает освещение гигантской работы партии по превращению страны в единый боевой лагерь. Авторы сумели убедительно показать, как партия, став сражающейся, сумела преодолеть тяжелые последствия неблагоприятного для нас начала войны. Подчинив всю свою деятельность достижению победы, она выработала и неуклонно проводила в жизнь такую политическую линию, которая обеспечила максимальное использование всех сил и средств, преимуществ социалистического строя для разгрома врага.

Перераспределение партийных сил в интересах фронта, создание ряда чрезвычайных органов партийного и советского руководства позволили Центральному Комитету обеспечить быструю перестройку страны на военный лад, усилить партийное влияние в войсках, среди тружеников тыла, поднять на борьбу миллионы советских людей на оккупированной гитлеровцами территории. В Великую Отечественную войну, как и в годы иностранной военной интервенции, на практике осуществлялся сложившийся под руководством В. И. Ленина принцип партийного руководства вооруженной защитой социалистического государства. Все важнейшие вопросы ведения войны, создания и развития военной экономики, развертывания партизанского движения решались Центральным Комитетом партии и его органами: Политбюро, Оргбюро и Секретариатом. ЦК партии был подлинным штабом воюющей страны. «Решения, которые вырабатывались ЦК партии,— указывается в книге,— проводились затем через Президиум Верховного Совета СССР, Совнарком, а также через Государственный Комитет Обороны и Ставку Верховного Главнокомандования. В целях оперативного решения военных вопросов созывались совместные совещания членов Политбюро и ГКО, Политбюро и Ставки, а наиболее важные из них обсуждались совместно Политбюро, ГКО и Ставкой».

Такое всестороннее рассмотрение политических, экономических и стратегических проблем во многом способствовало успешной организации борьбы, позволяло вырабатывать наиболее целесообразные решения и незамедлительно проводить их в жизнь.

В книге подробно рассказывается о жизни самой партии в годы войны, о процессах, которые в ней происходили, в первую очередь об укреплении связей партии с народом. За время войны кандидатами в члены партии стало около 5,1 миллиона, членами — около 3,3 миллиона человек. Это примерно столько же, сколько было принято в ее ряды за двенадцать предвоенных лет. Коммунисты шли в авангарде всенародной борьбы против гитлеровских захватчиков. Около двух миллионов коммунистов отдали свою жизнь во имя победы.

В широком военно-политическом плане показываются в книге крупнейшие сражения и битвы Великой Отечественной войны, раскрывается героизм советского народа. Авторы осветили ряд важных теоретических проблем. Много внимания уделено разоблачению буржуазных фальсификаторов истории, что придало этому труду боевой, наступательный характер.

Являясь научным исследованием, книга вместе с тем написана живо, эмоционально, в ней содержится значительное количество оригинальных иллюстраций. Все это делает ее доступной не только для специалистов, но и для самого широкого круга читателей.

Л. МАТВЕЕВ

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. Том пятый, книга первая. Издательство политической литературы, Москва, 1970. Председатель Главной редакции П. Н. Поспелов. Редакция пятого тома: Ю. П. Петров, В. С. Зайцев (руководители), Б. С. Тельпуховский, Е. Ф. Агафоненков, Г. А. Деборин (заместители руководителей), Е. А. Болтин, М. Л. Гутин, А. Г. Егоров, А. А. Епишев, В. Г. Олишев, В. В. Платковский, В. И. Снастин, А. А. Соловьев, А. А. Спасский.

МЫ — ДЛЯ ВАС!

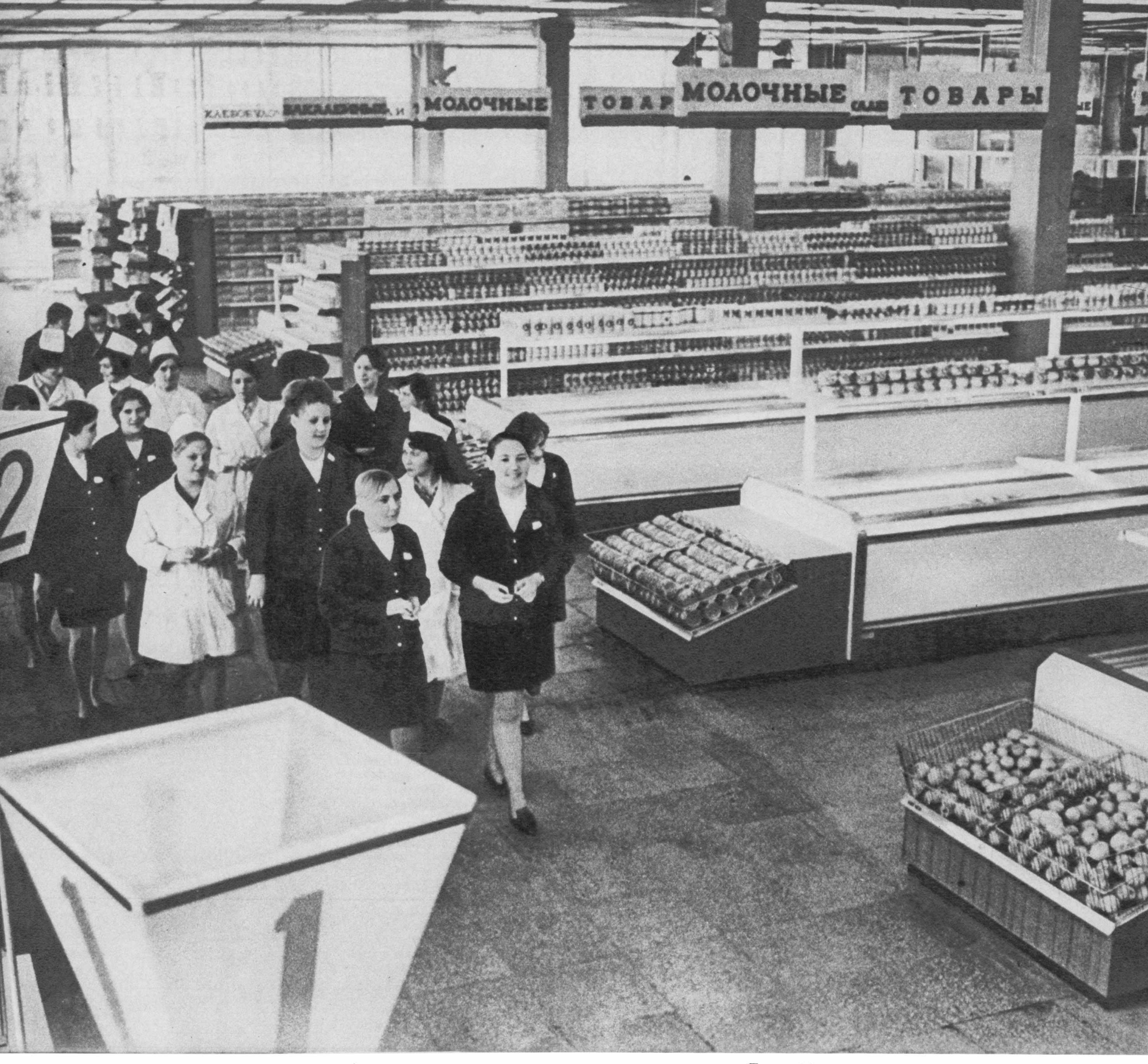
Аня Журавлева — контролер-кассир.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

Если вам случалось бывать в Лужниках в дни больших спортивных соревнований, то вы имеете представление о том, что такое сто тысяч человек. Это целиком заполненные трибуны главной спортивной арены. Так вот, всем торговым работникам, обслуживающим москвичей, мест там не хватит — придется еще занять и Дворец спорта: армия служителей прилавка насчитывает в своих рядах сто двенадцать тысяч бойцов!

Только тут надо сразу же уточнить. За последнее время понятие «прилавок» несколько трансформировалось. С развитием сети магазинов самообслуживания прилавки как таковые уходят в область истории торговли. А одновременно теряют свои бойцовские качества продавцы и покупатели: товар расфасован, весь перед тобой, выбирай, что тебе по вкусу, и ускользает почва для конфликтов из-под ног любителей поспорить да повздорить у прилавка. Да и само понятие «продавец» обретает уже другой смысл, характер труда в торговле иной...

Какова же все-таки дальнейшая судьба работников торговли? Чтобы прояснить этот вопрос, мы и отправились туда, где эти работники рождаются, — в производ-

День «Универсама» начинается так...

ственно-торговое училище продовольственных товаров № 1, что находится в Москве, на Рождественском бульваре, 15. Пришли к директору училища, к Людмиле Петровне Гранаткиной, и спросили:

— Что нового внесло развитие самообслуживания в подготовку кадров?

— Ну прежде всего много... неясностей,— пошутила Людмила Петровна.— Приходится пересматривать то, что мы делали вчера. Появились совершенно новые профессии: контролер-кассир, продавец-консультант. Если сфера деятельности первого ясна, то обязанности второго точно пока еще не сформулированы. Разумеется, он должен находиться в торговом зале и быть добрым советчиком покупателя. А для этого он обязан, очевидно, не только досконально знать те продукты, которыми торгует магазин, но и что из них можно приготовить и даже как приготовить. Значит, требуются и кулинарные познания.

Наши выпускники уже имеют дело с такой сложной современной техникой, как электронные и оптические весы, фасовочные автоматы, кассы, подсчитывающие общую сумму всех покупок,— стука костяшек счетов в новых магазинах вы уже не услышите. Поэтому ученики (кроме младших продавцов с годичным сроком обучения) получают вместе со специальностью и среднее образование — без физики, химии, математики теперь и в торговле не обойдешься. Так же, как и без знакомства с основами эстетики, без умения правильно, грамотно и точно разговаривать. Словом, надо быть человеком, разносторонне образованным и подготовленным. Не случайно наши питомцы проходят производственную практику в лучших магазинах столицы, где не только знакомятся с новыми формами торговли, но и, как говорится, привыкают к покупателю.

— Охотно ли идет молодежь в торговлю? Чем привлекает ваше училище юношей и девушек?

— Вы у них и спросите,— посоветовала Людмила Петровна.

Мы так и сделали. Зашли в два класса и провели небольшую анкету, из которой узнали следующее. Из сорока четырех опрошенных поступили в училище, чтобы получить аттестат зрелости и специальность, двадцать шесть. Из них двенадцать с детства мечтали о профессии продавца. Не прошли по конкурсу в техникум (главным образом в торговый) де-

Нина Солнцева и Люда Фиклистова: без физики теперь не обойдешься.

вять. Четверым нужен только аттестат. Двое опоздали подать заявление в другие учебные заведения. Одна из девушек хочет скорее начать самостоятельную жизнь, другая точно и не знает, почему пошла учиться именно сюда. А одному попросту надоело учиться в средней школе...

На вопрос, собираешься ли ты посвятить жизнь работе в торговле, положительно ответило тридцать пять. Трое пока на этот счет твердого мнения не имеют, двое выдвигают определенные условия, и лишь четверо признались, что работать в торговле не намерены и скоро сменят специальность.

Примерно третья часть опрошенных собирается в дальнейшем продолжить свое образование в торговом техникуме или в институте народного хозяйства имени Плеханова, тем более что окончившие училище имеют преимущество при поступлении в институт.

Конечно, жизнь внесет свои коррективы в эту анкету. За время учебы в ПТУ недоверие, а порой и предубежденность некоторых ребят к профессии продавца рассеются. Выпускники прошлого года все как один остались работать в торговле. И тем не менее нельзя не призадуматься над ответами молодежи.

...Мы присутствовали при торжественном акте вручения выпускникам нынешнего года аттестатов о среднем образовании. Такое событие всегда волнует. Но сегодня для волнения была еще одна причина: все выпускники пошли работать в первые «Универсамы», открывшиеся недавно в Москве. И, конечно, девчата и парни радовались, что именно им доверены места в залах современнейших магазинов столицы. Тех из них, кого направили в «Универсам» № 2, поздравлял с первым рабочим днем директор этого магазина Борис Григорьевич Гишвалинер. Любопытно, что сам он воспитанник того же училища, стены которого только что покинули молодые работники «Универсама» и которое в нынешнем году отметит свое сорокалетие.

...Шагает по залу девушка в белоснежном халате и шапочке — продавец-консультант Лида Логинова. Первый день ее работы. Первые покупатели. Кто-то подошел к ней и сказал:

— Разрешите вас побеспокоить...

Она приветливо улыбнулась и ответила:

— Пожалуйста! Мы здесь для вас...

Учимся торговать.

Марина Макарова: — А техника у нас какая!

Путевки в жизнь.

ПО ТРОПАМ КИНОМЕХАНИКА

Н. ХРАБРОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Далек и высок путь в Чартым. Три тысячи километров по горизонтали да еще три километра по вертикали. Ибо Чартым — это кишлак на Памире.

Неизмерим Памир... Непостижимы стены гор, недосягаемы вершины. Разную погоду, разный климат, разную растительность, разный образ жизни можно увидеть за один только час подъема. Увидеть, чтобы не забыть никогда. Громоздятся коричневые горы с нетающей, вечной каймой льда по зубцам. Гунт, пронзительно-зеленая река, то разливается по осыпям мелкого камня, то сливается в теснины, и кипит там зелено-белой пеной, и бьется, и скачет, и вырывается, наконец, на простор, то есть на маленькую плоскость среди непрерывности гор. Белыми языками сползают со склонов спрессованные снега. Слабо шурша, текут вниз медленные, мелкие, неопасные камнепады. Но бывает иначе: гигантские обломки наклонно и грозно застревают в ущельях, в садах и парках Хорога. Пирамидальные тополя, посаженные в селениях для того, чтобы стать потом опорными балками новых домов, кажутся крохотными бледно-зелеными свечками у подножия гор.

Чид — так называется дом на Памире. А названия кишлаков похожи на свист ветра и гром бури в горах: Вуж, Вир, Чартым...

Чид широк и низок. Чид прочно вцепился в каменные осыпи. Чид окружен крохотным огородиком, куда земля наношена тюбетейками — так говорят старики, может быть, в шутку, а может быть, и нет... Чид — хрупкая и прочная крепость в стране стихий: здесь рождается и живет человек, обрабатывая тюбетеечные клочки земли... Здесь рождаются музыка ная — горной флейты — и танец, в котором движения рук похожи на резкие взмахи орлиных крыльев.

Однако и на памирские высоты наше время поднимает свои революционные перемены; только у нас, внизу, эти перемены — обычный результат обычной работы, а там, наверху, на зубцах Памира, ничто не дается легко. Там говорят: это было еще до электричества, это было еще до Памирского тракта... И понимать надо так, что было это в безграмотные, трудные и не такие давние времена...

Бойназар хорошо помнит свое детство, помнит свой чид в Чартыме, уже на краю Памирского тракта. Сначала был грунтовой тракт; потом появился асфальт с белыми столбиками по краям, с защитными стенками на местах постоянных осыпей, с хорошими мостами, четкими указателями рек и селений... Труд на тракте стал самым желанным, самым почетным, и в жизнь каждого памирского мальчишки ворвалась мечта — непременно стать шофером... И, конечно, Бойназар помнит, как впервые в жизни он увидел кино.

— Это был фильм о Сталинградской битве,— говорит Бойназар.— Все, о чем писали в газетах, в письмах с фронта, о чем не переставали говорить и думать,— как это страшно! — все это я вдруг увидел сам. Увидел в кино войну и ее героев... С тех пор не понимаю и никогда не пойму тех, для кого кино — обыкновенность. Для меня кино было и есть событие. Может быть, радостное, как свадьба, может быть, горькое... Для нас, жителей самых верхних этажей страны, совсем недавно «обыкновенностью» были только снег, ветер, яки и овцы. А для отгонных пастбищ, для Бурункуля, Сумака или Камар Утука, для высоты 4 500 метров кино — тоже «будни», да?!

Бойназар — очень искренний, пылкий человек, как все памирцы. Он увлекается своим рассказом. Наверное, в результате своей профессии он говорит живо, образно, словно рисует:

— Видите: тракт. Ах, красиво, ах, прямо шелковая лента! Машины зеленые, белые с голубым... Даже сказок таких раньше на Памире не было. Я мечтал мальчишкой, как все, о машине. Ой, как хотел сидеть за рулем, улыбаться девушкам из окна кабины!.. Мой старший брат, Мирназар, стал автогрейдеристом. Младший брат водит продуктовые машины из Оша в Хорог. Еще один брат работает шофером в Душанбе. Азизназар, самый младший, учится в политехническом институте. Я тоже хотел учиться, но отец болел, и я стал слесарем-дорожником.

...Ну, а в армии часто показывали кино, и тут я стал увлекаться героями. Спрашивал о них: где, мол, живет этот человек; интересовался: а как теперь идут его дела?.. Мне объяснили, что герой — это собирательный образ; я удивился и обрадовался, думал: вот бы собрать у всех знакомых самое в них лучшее и создать образ! Пусть бы все увидели, каким прекрасным может быть человек!.. А пока я все смотрел, смотрел и смотрел кино. И сразу после армии поступил в школу киномехаников. Там я узнал, что кино создано для того, чтобы люди были умней и добрей. И я понял, что эти слова должен сказать каждому...

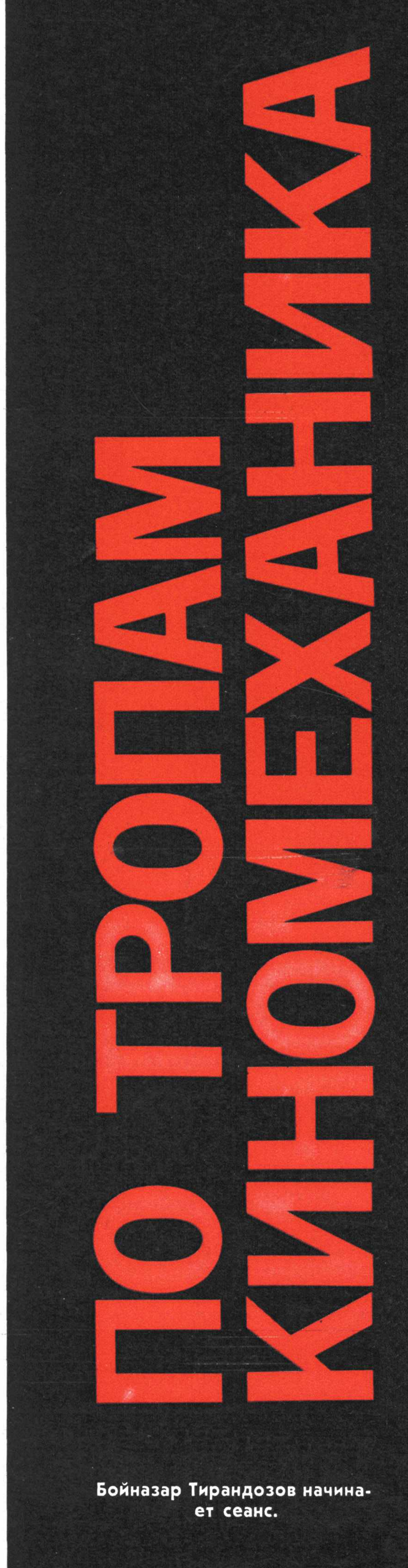
Мы едем с Бойназаром по тому отрезку Памирского тракта, который он называет «моя линия». Голос у Бойназара хриплый.

— Вы простудились? — спрашиваю его.

— Э, нет,— отмахивается он,— переводил. Язык же люди не знают как следует — каждую ленту перевожу! Надо перекричать голос самой картины, оттого и хриплю... Ничего, зрители привыкли... Жаль, перевал закрыт, а то поехали бы на отгонные пастбища или в ущелье Хойгаль: красивые там горы, и люди живут хорошие, давно меня ждут. На отгонных пастбищах всякая юрта от юрты далеко, а в юрте — всего двое... Покажу им фильм, посидим у костра, чаю попьем... Они ведь почти безвыездно живут на своей высоте, иные даже поезда не видали. Вот я им и рассказываю про все то незнакомое, что встречается в кино. Однажды «Гамлета» возил, и они так горевали и плакали о Гамлете, что я сам многое вдруг яснее увидел!.. В город эти люди не рвутся: они любят травы, горы, отары,— но разве чувство справедливости от этого у них меньше!.. Скоро повезу им «Короля Лира»...

— Мне говорили, что у вас почти в два раза перевыполнен план. Как же это получается, если там, наверху, главные зрители — два человека возле юрты?..

— План перевыполняется внизу, в кишлаках. И это нетрудно. В двадцати своих кишлаках я должен показывать фильм один раз в месяц, а я везу фильм в два кишлака, делаю два рейса, а потом уж езжу по пастбищам... Внизу, у людей, живущих возле тракта, газеты есть, радио; театр в Хороге — артисты приезжают на гастроли; самодеятельность, лекторы бывают из Душанбе... А наверху — только я... Там я и киномеханик, и пропагандист, и лектор, и просто так рассказываю новости... Как они мне бывают рады, описать не могу. И машину мне смажут и техремонт сделают...

Бойназар Тирандозов начинает сеанс.

Нередко тропа киномеханика повисает над бурными памирскими реками.

...Вот так и едем мы с Бойназаром. Иногда он останавливает машину у головокружительных подвесных мостиков, переносит аппаратуру на ту сторону Гунта, где за мостиком виден небольшой кишлак.

— Можно бы и не идти к ним,— хитро говорю я.— Пусть сами идут в Чартым или Ванкалу.

— А они не всегда пойдут,— просто отвечает Бойназар.— Они немножко другие, чем жители с этой стороны: их надо сначала приучить к кино, чтобы тоже не могли жить без него!.. Видите, мальчишки бегут — они уже не могут. Мальчишки — мои хорошие помощники. Иногда доверяю им аппаратуру носить. Только не на мостике — тут пусть кто повзрослей помогает. Один раз я тут споткнулся и упал, они бросились помогать, мостик раскачался, я чуть со страху не помер: думал, аппаратура в Гунт свалится!..

В кишлаке за мостиком Бойназар устанавливает аппаратуру. Мальчишки, натаскав камней и досок, устраивают скамейки. Бойназар, приладив экран к стене чьего-нибудь чида, усадит вперед женщин и детей, продаст билеты, запустит аппарат — и в фиолетовой мгле горного вечера начнется чудо...

Бойназар переводит фильм, постепенно входя в образ. И, наверное, для зрителей все киногерои запомнятся хриплым Бойназаровым голосом... Потом будут вопросы и разговоры, горячий суп с вкусной памирской картошкой и, наконец, обратный путь среди гор...

На следующий вечер мы остановимся у едва заметной тропы; там пасется один лишь ишак в окружении мальчишек. Бойназар переложит аппаратуру на ишака: идти недалеко, но так высоко, что машина уже не поднимется... Мальчишки будут преданно глядеть на Бойназара, ловить каждое его слово; в их мечтах происходит перелом, и кто-то скажет, словно бы между прочим:

— Ты будешь шофером? А я — киномехаником!..

В запасе у Бойназара семь картин. Он не очень доволен ими.

— Нет среди них такой, от которой забудешь все на свете! Например, «Сайха» — двухсерийная индийская... Казалось бы, фильм должен быть близок зрителям, но им многое непонятно; сыплются вопросы, и я по ходу фильма становлюсь лектором-международником... В общем, и на высоте 3 тысячи и 4 500 метров всем хочется хороших фильмов!.. Ну, а к иностранным режиссерам какие могут быть претензии? — резонно говорит Бойназар.— У них — свое, у нас — свое. В общем, мои зрители больше любят советские картины...

Каждая работа — для людей. В газету писать, сапоги шить, дома строить — все это для людей... А кино — оно же все время рядом с человеком, тут самолюбцем и вовсе быть нельзя!..

Много рассказывает Бойназар, и все — о своей работе... А о нем самом мне рассказывали люди... И еще увидела я хороший документальный фильм о Бойназаре Тирандозове, отличнике кинематографии СССР, человеке искусства, страстном политработнике, настоящем просветителе.

Но ведь и в фильме, как в нашем репортаже, увы, многое осталось за кадром...

«Бойназар, друг» — так его зовут люди. Друг чабанов, учителей, геологов, колхозников, аксакалов, мальчишек...

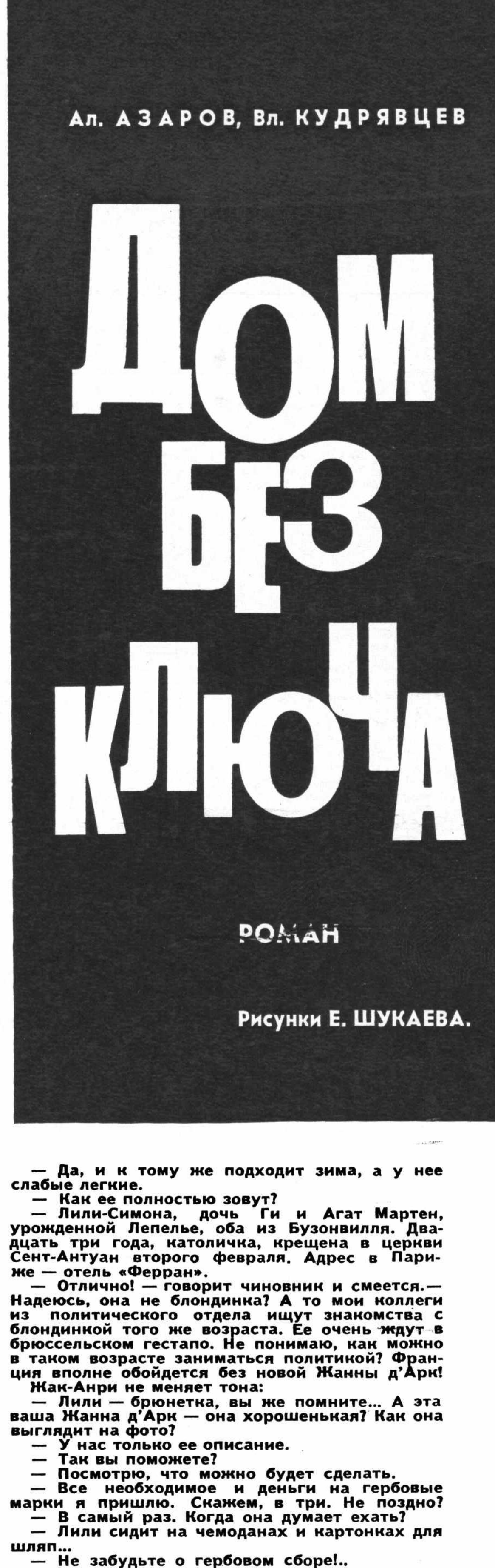
В общем-то у него не такая уж редкая профессия; теперь даже на Памире шестьдесят восемь киноустановок, а посещаемость кино по всему Таджикистану — на втором месте в стране после РСФСР.

И все же необыкновенен этот киномеханик на Памире, несущий искусство кино на самые высокие, на самые орлиные высоты!

●

Кино приехало!..

Короткий привал — и снова в путь!

10. СЕНТЯБРЬ, 1942. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

Девушка в плаще серебристого цвета идет по бульвару. Ее зовут Жаклин, и она связная между Парижем и Брюсселем. Левая бровь у нее действительно немного короче правой, но не настолько, чтобы это портило лицо. Жаклин торопится: у нее деловое свидание. Крохотный пистолетик—дамская хлопушка калибра 6,35,— поставленный на боевой взвод, спрятан под свитером и при каждом шаге холодит бок. Жаклин незнакома с тем, кто будет ждать ее у кафе «Империаль» в пассаже Лидо. Он подойдет к ней сам, и Жаклин томится от любопытства: как он узнает ее?

В пассаже легче потерять, чем найти. Здесь полно немцев, глазеющих на витрины, покупающих парфюмерную мелочь и предлагающих свое общество одиноким женщинам. Немало и французов, из тех, кому нет дела до оккупации. Жаклин становится неуютно, и она спешит в кафе. Оглядывается. За столиками почти сплошь старички — по виду отставные чиновники и холостяки, стригущие купоны. Газеты, прикрепленные к древкам, они держат торжественно, как священные хоругви.

— Не опоздал?

Жаклин оборачивается.

— А сколько на ваших?

— Час по Гринвичу.

— Париж — не Гринвич.

Жаклин без церемонии разглядывает собеседника. Он молод, но волосы пересыпаны сединой, и две глубокие залысины обнажают лоб у висков. Живые темные глаза и резко очерченный рот. Худощав, хотя хрупким его не назовешь; в повороте головы чувствуется скрытая, уверенная сила. Жюль предупредил, что слова этого человека — приказ.

Жаклин берет его под руку, и они идут вдоль витрин, задерживаясь и разглядывая выставленные в них образцы.

— В Брюсселе засвечено,— говорит Жаклин.

— Откуда вы знаете? Это точно?

— Наш друг уехал в Леопольдказерн пятнадцать дней назад.

Пристально рассматривая в витрине меха, фантастически высокая цена которых в марках и франках жирно означена на этикетке, она рассказывает о поездке. Старается, чтобы история с посещением особняка Ван-ден-Бееров выглядела не слишком драматической. Старуха и не додумалась проверить документы; впрочем, Жаклин сумела бы выпутаться.

— Кто поручал вам взять книги?

— Никто, но я решила, что это важно, раз Жюль специально посылал их Фландену. Кроме тех двух, я взяла еще... Я сделала что-нибудь не то? Но, поверьте, хозяйка ничего не заподозрила.

— А если за домом наблюдали?

— Я не вчера родилась!

Звучит задорно и уверенно, но Жаклин не убеждена, что собеседник согласен с ней. Его рука делается каменной под ее ладонью.

— Считайте, что и вы засветились,— говорит он.— Где книги?

— У меня дома.

— Избавьтесь от них... всех до единой.

— Это нетрудно.

— И, пожалуй, будет правильно, если вы уедете из Парижа. Например, в Марсель, в свободную зону. И чем быстрее, тем лучше...

— В Марсель? А пропуск?.. А мои старики?.. И на что я там буду жить?

— Пропуск и работу я беру на себя. Родители переедут к вам при первой возможности.

— Едва ли они захотят. Может быть, мне все-таки остаться?

— Слишком опасно.

— Когда ехать?

— Жюль известит вас и передаст на вокзале деньги и документы. В Марселе по ним получите на главном почтамте открытку до востребования, там будет адрес одного человека... Постараемся, чтобы вы уехали самое позднее завтра... Ну и задали вы мне задачу! Будь я вашим отцом...

— Что тогда?

Жаклин поднимает голову и ждет ответа. Она не сердится на этого человека, хотя он вмешался в ее жизнь и за какие-то пять минут все изменил. Даже не зная ничего, она догадывается — о женская интуиция! — что при иных обстоятельствах он не проявил бы такой настойчивости. Интересно, стал бы этот человек ухаживать за ней, познакомься они где-нибудь в кино? Жаклин было бы приятно его внимание.

— Что тогда? — повторяет она, но не получает ответа.

Они выходят из пассажа и на углу расстаются. Жаклин ныряет в подошедший автобус, а Жак-Анри, задумавшись, пешком направляется в контору. Он озабочен необходимостью срочно добыть новые документы для связной. Это труднее, чем кажется. Если бы речь шла о фальшивке, то на черной бирже сколько угодно паспортов, хоть уругвайских. Но для легализации в Марселе нужен настоящий документ, полученный и зарегистрированный в префектуре. Придется дать «комиссионные».

В контору Жак-Анри поднимается по слабо освещенной резервной лестнице и сразу звонит знакомому чиновнику в районный комиссариат. Голос его весел, когда он болтает о погоде и театральных новостях: ходят слухи, что приезжает венская оперетка...

— Кстати,— говорит он как можно небрежнее,— моя племянница, малютка Лили... Лили Мартен — вы помните ее? — собирается в Виши. Вы могли бы это устроить?

Чиновник не знает никакой Лили, но зато отлично понимает эзопов язык.

— Врач прописал ей воды?

— Да, и к тому же подходит зима, а у нее слабые легкие.

— Как ее полностью зовут?

— Лили-Симона, дочь Ги и Агат Мартен, урожденной Лепелье, оба из Бузонвилля. Двадцать три года, католичка, крещена в церкви Сент-Антуан второго февраля. Адрес в Париже — отель «Ферран».

— Отлично! — говорит чиновник и смеется.— Надеюсь, она не блондинка? А то мои коллеги из политического отдела ищут знакомства с блондинкой того же возраста. Ее очень ждут в брюссельском гестапо. Не понимаю, как можно в таком возрасте заниматься политикой? Франция вполне обойдется без новой Жанны д'Арк!

Жак-Анри не меняет тона:

— Лили — брюнетка, вы же помните... А эта ваша Жанна д'Арк — она хорошенькая? Как она выглядит на фото?

— У нас только ее описание.

— Так вы поможете?

— Посмотрю, что можно будет сделать.

— Все необходимое и деньги на гербовые марки я пришлю. Скажем, в три. Не поздно?

— В самый раз. Когда она думает ехать?

— Лили сидит на чемоданах и картонках для шляп...

— Не забудьте о гербовом сборе!..

Жак-Анри кладет трубку на рычаг. Придется поторопиться. Жаклин должна уехать немедленно. Есть ли деньги в кассе? Вызывая Жюля, Жак-Анри слегка прижимает кнопку звонка.

При своем весе Жюль умеет быть бесшумным. У него походка охотника, и Жак-Анри вздрагивает, услышав кашель над ухом.

— Напугал?

— Садись,— говорит Жак-Анри.— Сколько у нас денег?

— Здесь или на счету?

— При себе.

— Несколько тысяч, но можно достать еще...

— Пошли в комиссариат, как обычно. Жаклин поедет в Марсель. Позвони ей и скажи, чтобы покрасила волосы и сразу же уходила из дому. Ее ищет гестапо. Звони из кафе.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—21.

— Дела так плохи?
— Да, с Брюсселем кончено. И к тому же Жаклин наделала глупостей.
Жан-Анри встает и резко отодвигает кресло. В который раз все приходится менять на ходу! Товарищи гибнут, уходят, безмолвные и безымянные, оставляя живым незавершенные дела. Их так мало, и они не Гераклы, а просто люди, с нормальными мышцами, мозгом и нервами. И тем не менее они не сетуют на трудности, не ропщут и даже не просят себе того, на что каждый солдат имеет неотъемлемое право,— боевого оружия, чтобы перед смертью самому убить хотя бы одного врага.
— Пьер уже начал работу?— спрашивает Жюль.
— С пятнадцатого. Марсельская группа будет запасной. Итого четыре, не считая групп Вальтера.
— Есть предложение.
— По системе?
— Да. Мне кажется, надо отказаться от общих позывных.
— У Пьера свой.
— Дадим и остальным. И сменим код... По-моему, немцы выделили нас в общей массе подпольных передатчиков и будут пеленговать вовсю.
— Ну, а Центр? Мы сменим все, я согласен; но корреспондирующая станция останется все той же.
— Изменит расписание и частоты.
— Полная ломка? Слишком сложно.
— Я бы не откладывал.
— Значит, месяц бездействия... Не выйдет, Жюль.
— Где же выход?
— Я уже ломал голову и кое-что придумал. Если забыть о Пьере, у нас три действующие рации. Но на ключе могут работать десять человек, включая тебя и меня. Мы образуем три секции: в Нанте, Антверпене и Париже.
— Что это даст?
— Я не кончил... У каждой секции будет три передатчика. Пусть работают синхронно. Не уловил?
Жюль пожимает толстыми плечами.
— Но это же просто. Возьми, к примеру, Париж. Один передатчик останется там, где есть. Другой разместим на Монмартре, третий — в Версале. В эфир они выйдут одновременно на одной волне, слушая друг друга. Первый передаст десять групп и умолкнет; следующие десять групп передаст другой, еще десять — третий. Комбинацию можно менять, и пеленг станет непрерывно произвольно смещаться. Поставь-ка себя на место оператора и попробуй определить, откуда идет передача, если рация словно не раздвоилась даже, а разделилась на три части и из разных мест, без перерывов, передает одну радиограмму?
— Это идея!
— Только часть идеи... У каждой рации должно быть по меньшей мере три квартиры. Радисты станут кочевать, как бедуины по пустыне. Пусть немцы запеленгуют, если смогут!
— А связные?
— Группы перейдут на автономию... В Антверпене открываем филиал, фирма «Монд», строительные материалы. Я войду в дело — через третьих лиц, разумеется. Сними деньги со счетов, с каждого не слишком много, и Рене за хороший куртаж уладит все.
— Я займусь квартирами.
— Решено!
На столе, скрытая в чернильном приборе, загорается и мигает крохотная лампочка: кто-то вошел в приемную и не садится. Жюль, подхватив на ходу с бюро кожаную папку, устремляется к двери. Приоткрывает и, словно продолжая деловой разговор, почтительно роняет в кабинет:
— Понимаю, господин Легран; я немедленно звоню генералу и сообщаю, что вы согласны на условия Тодта.
И посетителю в приемной:
— Господин Легран занят. Соблаговолите ждать, я доложу о вас.
Жан-Анри остается один. В ушах, как наваждение, возникает и начинает звучать, повторяясь, одна и та же строка: «Белеет парус одинокий...» Она назойлива и мешает Жаку-Анри думать о другом — о делах, заставляющих его идти на реорганизацию фирмы «Эпок».

11. ОКТЯБРЬ, 1942. ПАРИЖ, ОТЕЛЬ «ЛЮТЕЦИЯ».

Сегодня Шустер доволен солдатами радиороты: они работают как одержимые, не отвлекаясь ни на что постороннее.
— Десять — семь — пятнадцать, господин капитан!
— Настройка десять — семь — пятнадцать!
— Алло, иксы примите: десять — семь — пятнадцать!
Все силы парижской группы радио-абвера брошены на охоту. Шустер, не отрываясь от планшета, видит, что каждый из шести операторов, дежурящих с ним сегодня, буквально слился с приемником на своем столе. Сейчас начнут поступать данные от стационарных и передвижных пеленгаторов — «иксов».
— Икс первый докладывает: сто два градуса!
— Икс-два: сорок пять!..
— Икс-три: сто шестьдесят шесть...
Маленькая заминка, и наконец:
— Икс-четыре: сто тридцать два!
Рация, работающая на частоте 10715 килогерц, засечена. Шустер протягивает по карте нити пеленгов, в месте скрещения возникает крохотный треугольник. Может быть, сегодня все будет как надо?
— Фельдфебель! Запросите иксы еще раз!
Родэ с ошалелыми от напряжения глазами кричит операторам:
— Дать дубль!
Шустер приготавливает булавки.
— Икс первый: сорок семь!
— Икс-два: сто семьдесят три!
— Икс-три: пять — ноль!
— Икс-четыре: сто пятнадцать!
Булавки воткнуты, и к ним с периферии карты протянуты крашеные шелковинки. Шустер закусывает губу: все то же самое. Передатчик, поработав две с половиной минуты, переместился в другой район Парижа. Еще через две с половиной минуты он удерет в новое место, прокукует десять групп и умолкнет, чтобы выйти на очередную связь откуда угодно, но не оттуда, где был раньше. В этих бросках нет закономерности системы, хотя Шустер убежден в ее наличии.
— Отбой, господин капитан!
— Хорошо. Отбой для всех, кроме контрольных раций!
За шестью столами возникает шевеление, шепот, кто-то поминает черта; операторы, гремя стульями, разминают затекшие мышцы. За километры отсюда стряхивают напряжение те, кто в течение целого часа был рабом пеленгующих устройств. Теперь они свободны до вечера: рация, сменив частоту 10715 килогерц на 11850, выйдет в эфир в 21.10.
Родэ, не стесняясь присутствия капитана, затевает игру в чехарду. Его рыхлый бабий зад, туго обтянутый вылинявшими штанами, бесстыдно маячит перед глазами Шустера. Не будь Родэ незаменимым специалистом, Шустер давно уже сплавил бы его из группы, но Модель держится за этого выродка и таскает его с собой по всей Европе. Сплюснутые уши Родэ и его череп неандертальца вызывают у капитана чувство брезгливой неприязни. При всей своей видимой тупости фельдфебель хитер и успешно совмещает обязанности старшего унтер-офицера полуроты и осведомителя СД. За крохотным лобиком гнездятся бог весть какие мыслишки, и капитан Шустер старается не догадываться, что именно думает о нем фельдфебель Генрик Родэ из 621-го подразделения радиосвязи.
Шустер, пачкая в пыли сапоги, прогуливается по плацу и отдыхает. Уже осень, почти зима, а в Париже по-летнему тепло и каштаны еще не уронили листву. Несмотря на служебные трудности, Шустер чувствует себя хорошо. Погоны капитана, только неделю назад обмытые в компании Моделя, помогают ему сохранить внутреннее равновесие. Даже Родэ временами кажется не таким противным, тем более что это он, а не кто-либо иной, подал в свое время идею использовать палатки телефонистов для маскировки передвижных пеленгаторов. Идея оправдала себя в Марселе, Лилле и Брюсселе и принесла Моделю крест «За заслуги», а Шустеру — внеочередное повышение в чине.
У столов возникает суматоха. Кто-то из операторов оседлал Родэ, и фельдфебель, не устояв на ногах, кубарем катится в пыль. Шустер вынужден вмешаться.
— Родэ!
Напяливая на ходу пилотку, фельдфебель кривоногим крабом подкатывается к капитану.
— Отряхнитесь,— говорит Шустер.— И ведите себя прилично!
— Да, господин капитан!.. Но люди устали.
— Вы хотели сказать — солдаты?
— Да, господин капитан!
Шустер чувствует враждебность тона Родэ, но делает вид, что не замечает: он не намерен ссориться. В радиороте собраны лучшие специалисты со всей Германии, и Родэ — настоящий самородок. Туп он только в общежитейском смысле.
Шустер внимательно рассматривает шов на перчатке.
— Мне говорили: у вас есть идея? Какая?
Родэ мнется:
— Это, собственно, не идея... Так, грубая схема...
— Ну, ну, Родэ, не скромничайте!
— Господин капитан позволят?
Шустер поощрительно кивает, и Родэ принимается излагать свои мысли. Руки его, словно клещи, загребают воздух, в складках лобика блестят капли пота.
— У нас девять групп, и у каждой — пеленгатор и приемная станция. Они разбиты на четверки, а одна контрольная.
— Ну и что?
— Нужна новая организация, более гибкая. Господин капитан могли бы приказать объединить все девять радиогрупп в единую сеть, и тогда мы здесь имели бы девять точек координат.
— Что это даст, если станции ПТХ передвигаются?
— Само по себе ничего, если, конечно, прыгать вслед за ними с места на место. Но можно и не прыгать! Не захотят ли господин капитан дать указание, чтобы пеленгаторы, расположившись по кольцу, засекали только одну станцию? Только ее, а не дублеров. Скажем, для начала ту, что передает откуда-то из Версаля.
— Но она может включиться не первой, а третьей или второй?
— Дело не в порядке. Главное — сосредоточиться на конкретном пункте и идти к нему. После каждого перехваченного сеанса пеленгаторы передвинутся по пеленгу насколько можно и останутся ждать снова сутки или больше, пока не засекут ее.
— А потом?
— Опять подвинутся к ней!
Шустер прикидывает: идея хороша, но нуждается в дополнении. Сосредоточивать девять групп на одном передатчике — заманчиво с точки зрения точности, но бессмысленно, учитывая количество раций ПТХ. Пусть будет, как и есть, четыре и четыре. Каждая четверка возьмет под контроль свой участок, пядь за пядью приближаясь к передатчикам. В конечном счете рано или поздно они сузят поле поисков до мизерной величины, и тогда очередь за гониометрами, нацеленными на обнаружение магнитосилового поля.
— У вас все, Родэ?
— Господин капитан извинят меня: я предупреждал, что идея не продумана, только схема...
— К сожалению!
Родэ продолжает идти рядом.
— Что-нибудь еще?
— Да...— Родэ понижает голос: — Обер-ефрейтор Мильман связался с француженкой, господин капитан. Я видел сам, как они выходили из отеля. Такой маленький отельчик на Монпарнасе, специально приспособленный для определенных встреч.
— Вас беспокоит чистота крови, Родэ?
— Я национал-социалист! К тому же девица может быть связана с маки, а мы не обычная часть.
— И вы, конечно, уже написали рапорт?
Шустер, прищурившись, ждет ответа. История грозит обернуться расследованием. Если Мильман переспал с проституткой, СД начнет копаться в делах роты, и у коллеги Мейснера появится возможность подставить ножку разом и Шустеру и Моделю. В последнее время Мейснер превосходно спелся с комиссаром Гаузнером, неведомо почему оказавшимся в Париже на посту уполномоченного по связи между СД и армией... Хотя Гаузнер и не показывается в «Лютеции», где квартирует абвер, и живет в штабквартире гестапо возле Булонского леса, Шустеру то и дело приходится встречаться с ним по делу ПТХ. Похоже, что Главное управление безопасности не прочь прибрать к рукам всю операцию по ликвидации передатчиков. Коллегу Мейснера, правда, удалось спровадить в Марсель, но ни одна командировка не бывает, к сожалению, вечной...
— Ну, Родэ,— говорит Шустер,— где же ваш рапорт?
— Я пока не писал... Я думаю, господин капитан могли бы сами расспросить Мильмана, неофициально.
Крючок слишком толст, и Шустер, разумеется, его не заглатывает: «Шалишь, мой милый; на этот раз я не дам тебе повода доносить на меня Гаузнеру».
— Здесь армия, фельдфебель, а не хоровое общество! Извольте действовать по уставу!.. «Неофициально»! Хорошенький пример для подчиненных.
Родэ покорно выслушивает выговор. Дело сорвалось, но напрасно господин капитан думает, что перехитрил гестапо. Комиссар Гаузнер верно говорит: дворянчики ненадежны; фюрер только тогда будет в безопасности, когда уберет из армии старых генералов и их бесчисленную родню. Эти типы устали воевать, и к тому же каждый из них сам хотел бы сделаться фюрером великой германской империи...
В отель «Лютеция» Шустер едет приятно взволнованный. Во-первых, удалось поставить на свое место Родэ, во-вторых, кажется, нащупан правильный путь к радиоточкам ПТХ. Сегодня же вечером он составит докладную в Берлин на имя генерала фон Бентивеньи, а тот скорее всего доложит о проекте адмиралу Канарису.
Кабинет Шустера расположен на четвертом этаже. Капитан одним махом взлетает по лестнице. Не присаживаясь, звонит Моделю:
— Здесь Шустер... Это вы?.. Пока без изменений... До вечера.
Докладная пишется как бы сама собой. Мысль Родэ, ставшая мыслью Шустера, получает четкое оформление. Не доверяя машинистке, Шустер сам перепечатывает текст и, поминутно сверяясь с таблицами, шифрует его с особой тщательностью.
Остаток дня Шустер проводит в тире, оборудованном для офицеров абвера в подвале отеля. Твердой рукой он посылает пули в сердце фанерного красноармейца. Мишень трещит, дырочки наползают одна на одну. Расстреляв три обоймы, Шустер подсчитывает: восемнадцать попаданий! Жаль, что мишень слишком велика, чтобы взять ее на память.
До 21.10 Шустер свободен. Ужин ему приносят в кабинет, и, запивая паштет молоком, он не торопясь просматривает бумаги. Берлин подхлестывает, понукает, требует активности. Специалисты из абвера с помощью полученного наконец ключа расшифровали не меньше пятидесяти радиограмм, отправленных до сентября в Центр и из Центра. Некоторые из них генерал фон Бентивеньи цитирует в письме с приказом усилить темп поисков ПТХ. Шустер с профессиональным интересом прочитывает их. «Марату от Профессора. Проверьте: действительно ли Гудериан находится на Восточном фронте, подчинены ли ему 2-я и 3-я армии? Преобразовывается ли 4-я танковая армия в армейскую группу под командованием Моделя? Входят ли в состав этой группы другие армии? Какие армии предполагается ввести в ее состав? Конец. № 921». Паштет попадает в дупло, и зуб мгновенно начинает ныть. Шустер ковыряет в дупле спичкой, но не отрывает взгляда от письма. «Марату от Профессора. Соответствует ли действительности, что 7-я танковая дивизия ушла из Франции? Куда? Когда прибыл в Шербур штаб новой дивизии? Ее номер? Конец. № 922». Третья радиограмма совсем короткая: «Срочно доложите все о формируемой во Франции 26-й танковой дивизии». Русский Генштаб запрашивает своих людей так, будто держит под надзором все дела ОКВ. В конце письма фон Бентивеньи содержится прямой намек, что о ПТХ стало известно ставке фюрера. Неужели Канарис был так неосторожен, что доложил Кейтелю?
Зуб ноет уже не на шутку. Шустер полощет его теплым молоком, кончиком спички заталкивает в дупло крошку аспирина. Единственное,

чего ему сейчас не хватает, так это флюса! Лаская вздувающуюся щеку, Шустер звонит Моделю и рассказывает ему о Мильмане. Модель настроен легкомысленно.

— Мы не монахи, и наши солдаты тоже!

Шустер перебивает:

— Не забывайте о СД!

— Что вы предлагаете?

Тон Моделя теперь официален до предела.

— Откомандировать Мильмана.

— Я подумаю.

— Тогда все...

Для страховки Шустер записывает разговор в служебный дневник. Этим самым он в известной мере снимает с себя ответственность за последствия. К сожалению, у него нет дядифельдмаршала, и приходится самому заботиться о своем будущем.

12. ОКТЯБРЬ, 1942. ДАВОС, «ЛАКФИОЛЬ».

Осень изматывающе тягостна, и Роз чувствует себя одинокой и беззащитной в пансионе «Лакфиоль», где плохо топят и в столовой царит ледяная скука. Почти два месяца Роз живет среди почтенных старушек, коротающих дни за вязанием и разговорами о недугах. Люди помоложе предпочитают отели с горячей водой и баром, но комната в отеле Роз не по карману.

Первую неделю было еще ничего. Роз даже радовалась одиночеству и тишине. Никто не вторгался в ее быт, не донимал расспросами; старушки, сойдясь в столовой на завтрак или обед, называли ее «милочкой» и не пытались вовлечь в беседу о подагре и атеросклерозе. Роз думала о Жане, об обещанной Вальтером рации и приглядывалась, подыскивая место, где могла бы прятать передатчик. О том, чтобы держать его в пансионе, не шло и речи: в нищенски обставленных комнатах негде было оборудовать тайник. Роз на всякий случай осмотрела кухню и кладовую, тесные, как почтовые ящики, и отбросила мысль об их использовании. В конце концов она нашла то, что нужно: в соседнем пансионе почти за бесценок сдавалась студия, и Роз сняла ее, уплатив за полгода вперед. После этого она написала в Цюрих и обратной почтой получила краски, угли и холст. Этюдник, оставленный предшественником, ей уступила по сходной цене владелица студии.

Рисовать Роз не умела, эскизы ее были дики и фантастичны по беспомощности, но здесь никто ничему не удивлялся. К счастью, Роз не стала копировать картинки из журналов, что разоблачило бы ее; она вольничала с натурой, а владелица студии за долгие годы общения с художниками смирилась с их манерой превращать реальные вещи черт знает во что и скорее удивилась бы, нарисуй Роз горы такими, какие они есть.

Знакомых немцев в Давосе уже не было; попытки заговаривать с ней во время прогулок Роз пресекала; день тянулся за днем, отличаясь от других только погодой и обеденным меню. В отеле был телефон, и Роз едва сдерживалась, чтобы не позвонить Жану. Однажды она наменяла пригоршню мелочи и вызвала Женеву, но, услышав голос телефонистки, бросила трубку.

В студии было сколько угодно укромных местечек — ниш, антресолей, стенных шкафчиков; Роз очистила от пыли нишу за кафельной печью и замаскировала ее как могла.

В конце первой недели на прогулке ее остановил угрюмый маленький господин в потерявшей форму тирольской шляпе и назвал пароль. Говорил он с сильным немецким акцентом и был немногословен.

— Приказано передать, что посылку и письма вы получите от меня.

— А что в посылке? — спросила Роз.

— Не интересуюсь, — отрезал связной. — Она большая, и я принесу ее по частям. В следующий раз захватите рюкзак: здесь многие собирают образцы камней.

Роз поглядела на него сверху вниз: связной показался ей забавным в своем стремлении соблюдать полную конспирацию. Они были двое на тропе, и их никто не мог подслушать.

В посылке, как и следовало ожидать, оказались части рации. Роз перенесла их в студию, а связной прекратил встречи ровно на тот срок, который требовался для сбора передатчика. Из осторожности Роз паяла понемногу: запах горелой канифоли мог привлечь внимание хозяйки.

Первый сеанс Роз провела через две недели после приезда в Давос. Слышимость была неважная, и Роз дольше обычного просидела на ключе. Центр подтвердил «квитанцией» прием, но сам ничего не передал, дав повод Роз подумать, что Вальтер, по всей видимости, намерен использовать ее только на односторонней связи. К слову, и сообщение, доставленное связным, было уже зашифровано — и не тем шифром, которым она пользовалась в Женеве.

При встрече Роз не сдержалась и спросила связного:

— Мне не доверяют?

Связной сделал удивленное лицо.

— Простите, фрейлейн, о чем вы?

Но Роз и сама поняла, что заговорила зря. Что мог знать этот человек о намерениях Ширвиндта?

— Забудьте о моем вопросе.

— Забыл! — сказал связной.

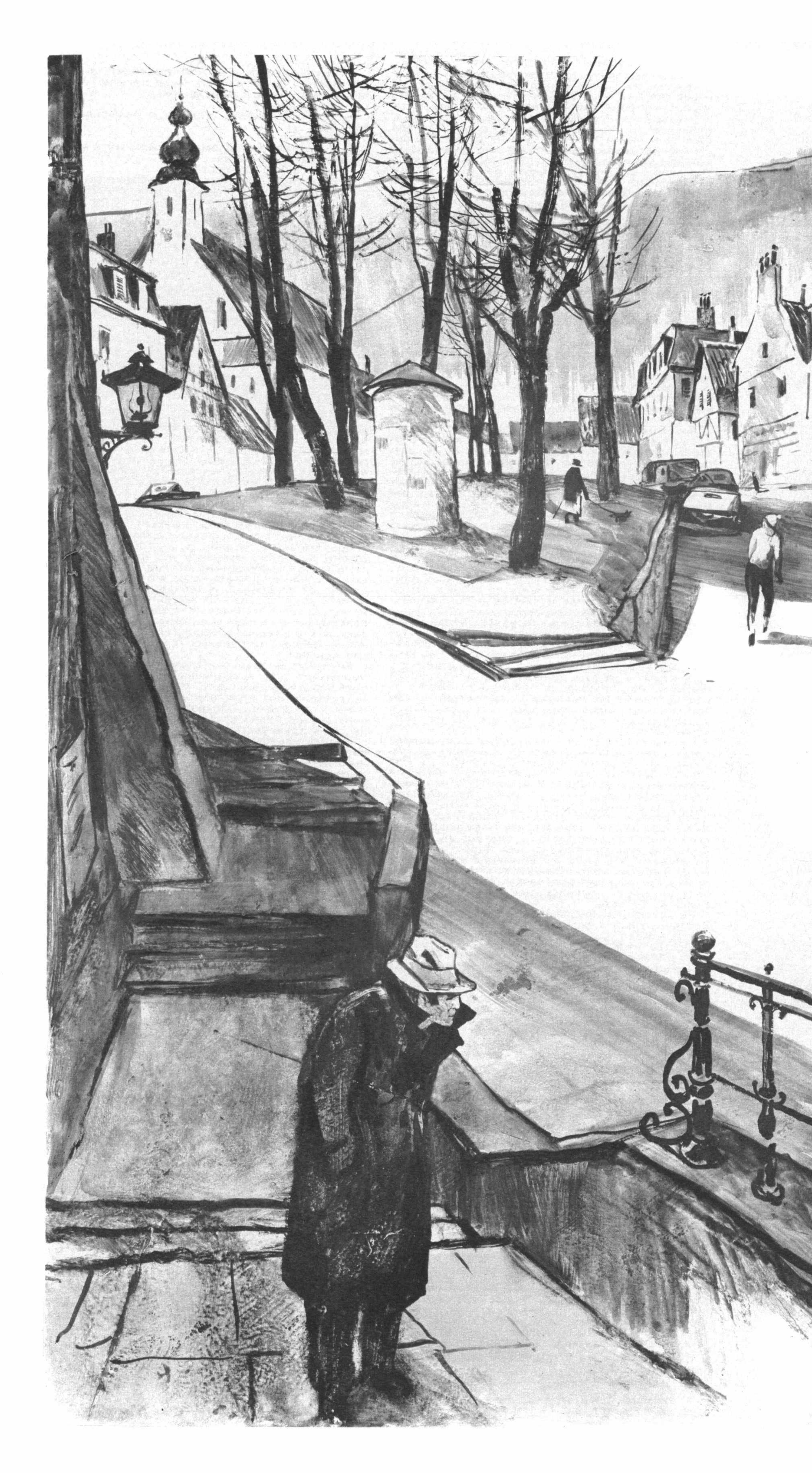
Он вообще не отличался разговорчивостью. Не назвал даже своего имени.

— Какая разница, фрейлейн, Шварц или Вейсс?

— Или Грюн? — в тон сказала Роз. — Вы правы, никакой разницы. Я буду звать вас Грюн. Подойдет?

— Все равно...

Обдумывая этот разговор, Роз еще острее почувствовала свое одиночество. Грюн — единственный, кто связывает ее с друзьями, и связь

эта кажется почти призрачной: Грюн исчезает и появляется, когда хочет, не условливаясь о новой встрече,— он только просит ее не менять маршрут утренних прогулок.

У старушек Роз выучилась вязанию. Это успокаивает, и она вяжет даже в студии, сделала себе шапочку и лыжный свитер из белой шерсти. Днем она ходит на почту за газетами, а вечером читает — Дюма, Дос-Пасоса, Кафку, Тургенева, все, что попадается под руку. В комнате прочно угнездилась горная сырость, и Роз засыпает на влажных простынях.

Жильцы в пансионе почти не меняются. Загнанные сюда безденежьем и войной, они живут как в лепрозории, отгороженные горами от всего мира. Хозяйка разводит кошек, и те заполняют весь дом, кричат по ночам страшными голосами, будя Роз и заставляя ее вздрагивать.

Роз послала Ширвиндту письмо и получила ответ со связным. Ширвиндт просил ее потерпеть и постараться привыкнуть. «Я бы хотел,— было в письме,— чтобы ты почаще думала о Сталинграде. Мне кажется, это будет хорошим лекарством от неподходящих мыслей и чувств». Роз купила маленький приемник, ловила Берлин и Рим. Одно и то же! Дикторы называют Сталинград последней твердыней большевизма и считают дни, оставшиеся до полного военного и политического разгрома России. Возносят до небес героев — генералов из группы армий «Б» Манштейна, Роске, Штреккера и — чаще других — фон Паулюса.

Роз живет предчувствиями перемен.

Так было уже однажды, год назад, когда берлинские комментаторы заполняли эфир рассказами о панике в Москве и танках, стоящих у самых окраин. Можно было ему не верить, но Роз вдруг обнаружила, что не слышит Центра. Это не были обычные атмосферные помехи, характерные для осени; просто в октябре Центр перестал выходить на связь. Сначала слышимость еще сохранялась, очень слабая, перемежаемая провалами; потом провалов стало больше, а голос операторов Центра едва доходил, как из бездны. И наконец он пропал совсем.

В те дни Роз перестала спать. Ширвиндт нянчился с ней, водил ее в кино на старые ленты с Рудольфо Валентино и Чаплином; на несколько дней отправил в Сен-Мориц, дав уйму денег и наказ тратить их, не стесняясь. Берлинский «радиооракул» Фриче предвещал падение Москвы, и Роз возненавидела его до глубины души.

И вот — все повторяется вновь спустя год...

Женевские газеты приходят на почту после полудня. Роз спускается за ними с постоянством человека, дорожащего привычками. Но это больше, чем привычка,— без газет со словом «Сталинград» на первой странице Роз не смогла бы жить.

На почте служащий аккуратно откладывает для нее женевские, бернские и цюрихские издания. Он не прочь завязать разговор, но Роз ограничивается «нет» и «да» и ни к чему не обязывающей улыбкой. У чиновника на щеках склеротические жилки и узелки, под глазами серые мешочки. Он вежлив и не ленится выйти из-за стойки, чтобы открыть перед Роз дверь. Когда она уходит, он не сразу возвращается к своим ящичкам для писем, а смотрит ей вслед... Будь Роз наблюдательнее, она перед отъездом из Женевы обратила бы внимание на господина в сером котелке и сейчас без труда признала бы его в служащем почты. Кстати, и в Давосе чиновник появился дня через три-четыре после ее приезда.

Роз стоит на крыльце и думает, куда пойти. Возвращаться в пансион к обеду она не торопится — мало радости промолчать полчаса в обществе старушек. Решено: сегодня она обедает в отеле.

По шоссе Роз спускается вниз. Ботинки на толстой, тяжелой подошве заставляют ее укорачивать шаг. В свитере и брюках Роз рискует вызвать неудовольствие метрдотеля, но ей лень возвращаться в пансион и переодеваться. Да и не столь уж редкая одежда для этих мест — лыжный костюм. Ничего, сойдет.

Сегодня день необычно солнечный, и Роз радуется теплу. На ходу она просматривает газеты, ищет телеграммы Рейтера. Не потому, что корреспонденты этого агентства объективнее остальных,— просто Роз неприятно читать сообщения немцев, когда речь идет о Сталинграде. Хватит того, что она видит немцев в Давосе — крепких, надменных, с манерами повелителей.

Телеграммы Рейтера сдержанны. Трудно понять, что творится под Сталинградом. Часто мелькает: «позиционная война, лишенная элементов маневра». Но кто обороняется, а кто наступает?..

Роз забрасывает газеты в кусты, ннмало не интересуясь колонками мод и светской хроники. Хорошо это или плохо — позиционная война? Будь здесь Ширвиндт, он внес бы успокоение...

Связной не приходит уже три дня. Обычно он дожидается Роз на полпути к почте и передает конверт. Маленький рост не мешает ему говорить низким баритоном, и, слушая его, Роз вспоминает голос Жана. В конверте вместе с шифровками иногда бывают записки от Ширвиндта. Вальтер шлет ей приветы и желает бодрости; в последней написал: «Перевал близок, и мы его одолеем». Так хочется верить в это!..

Кусты у обочины шевелятся и хрустят.

— Алло!

Роз останавливается и едва не хватается за сердце.

— О боже, Грюн, как вы меня напугали! Откуда вы взялись?

— Жду вас.

— Но почему здесь? Я почти никогда не пользуюсь шоссе.

— К сожалению, я не могу приходить в обычное место... Это и раньше было нелегко, а сейчас я имею особые затруднения.

— Надеюсь...

— Нет, нет, не то!.. Просто я повысился по службе.

— Секрет?

— Пожалуй, нет. Я был рассыльный в отеле, где вы иногда обедаете.

— Я и сейчас иду туда.

— О, значит, я хорошо угадал! Уже пять дней я портье, и вы могли узнать меня, окликнуть... Было бы плохо...

— Поздравляю!

— Благодарю. Постарайтесь меня не узнавать, фрейлейн, когда навещаете отель... Я и вчера ждал вас и позавчера. Вам есть известие.

— Где оно?

— В моем бумажнике. Возьмите, фрейлейн.

Роз прячет конверт под свитером и спрашивает:

— Где же нам видеться?

— Здесь и в это же время.

— А в отеле?

— Там я не имею чести знать вас.

Связной улыбается и приподнимает шляпу. Шаг в сторону, и кусты смыкаются за его спиной. Роз остается на шоссе одна. Кусты хрустят, осыпают пожухлую листву.

Остаток пути Роз проходит быстрее обычного. Письмо и свидание придают ей энергии. Развеялась тайна Грюна, и исчезло чувство одиночества. Знать, что рядом есть человек, которого можно найти в трудную минуту,— это уже много, вполне достаточно, чтобы не думать о себе как о песчинке в горах. Дело, приносящее пользу, умная книга и хороший товарищ — что еще нужно человеку для счастья?

Со звоном провернув стеклянную мельницу турникета, Роз попадает в холл отеля. И, как всегда, робеет. Горный костюм кажется неуместным среди плюшевой роскоши и длинных зеркал, в которых ты видишь себя всю от кончиков дешевых ботинок до помпона шапочки. Брюки пузырями вздулись на коленях, а толстые носки, выпущенные поверх брюк, хороши для лазанья по скалам, но не в отеле, где швейцар носит лакированную обувь. Стараясь не замечать двух долговязых англичан, высокомерно скучающих в холле и, словно по команде, повернувших головы в ее сторону, Роз направляется в ресторан, утешая себя надеждой, что какой-нибудь из боковых столиков окажется свободным.

Ей везет; метрдотель с отчужденным лицом провожает ее в затемненный угол и жестом посла, вручающего ноту, подает кожаную папку с меню. Роз краснеет; общение со старушками в пансионе «Ланфиоль» подорвало у нее веру в свое право поступать как заблагорассудится и пренебрегать этикетом.

Метрдотель отходит, неслышно скользит по паркету в своих мягких туфлях из превосходного черного шевро. Движением пальцев, уловленным Роз, он дает официанту знак не особенно спешить. И тот не спешит. Жаль, что здесь нет Ширвиндта. Он обладает даром ставить на место кого угодно; в ресторанах его обслуживают, как лорда, даже если он заказывает только чай без сахара.

Цены здесь высокие, и Роз, помня об этом, благоразумно ограничивает обед жюльеном, порцией спаржи, запеченными яйцами и куском дурно пахнущего, но прелестного на вкус камамбера с чашечкой кофе. Сливки к кофе в ресторане подают бесплатно... Когда-нибудь дома она, если спросят, расскажет родным об этих одиноких обедах, об отелях, куда съезжаются со всего света те, чей багаж заполняет не один десяток кожаных кофров... Или нет,— стоит ли рассказывать об этом? И как объяснит она свои познания из жизни Давоса, если и маме и отцу известно, что она командирована в Заполярье радисткой на зимовку?

Роз доедает сыр и принимается за кофе. За соседним столиком говорят о Сталинграде. Она прислушивается, стараясь не пропустить ни слова. Один из говорящих известен всему Давосу, его называют генералом, и в газете Роз видела его портрет в форме и с бриллиантовым Рыцарским крестом под воротничком. В Давосе генерал лечится от астмы.

Говорят по-немецки, негромко, с пристойной корректностью жестов. Генерал помешивает ложечкой молоко со взбитыми яйцами. Седой бобрик его блестит, соперничая с белизной сорочки.

— Все может быть,— слышит Роз.— Но Сталинград не просто символ, господа. И мой прогноз печален.

— Однако в Берлине, экселенц...

— Отложим тему до возвращения к себе.

Роз открывает сумочку и ищет губную помаду. Приблизив зеркальце к лицу, слегка подкрашивает рот и поднимает глаза только тогда, когда кто-то, подошедший к столу, говорит до странности знакомым голосом:

— Роз, дорогая, да оторвитесь же наконец и взгляните сюда...

— Жано!— вскрикивает Роз и роняет помаду.

Дюрок, улыбаясь во весь рот, смотрит на нее.

— Жано,— повторяет она.— Не может быть!.. О господи, откуда вы здесь взялись?

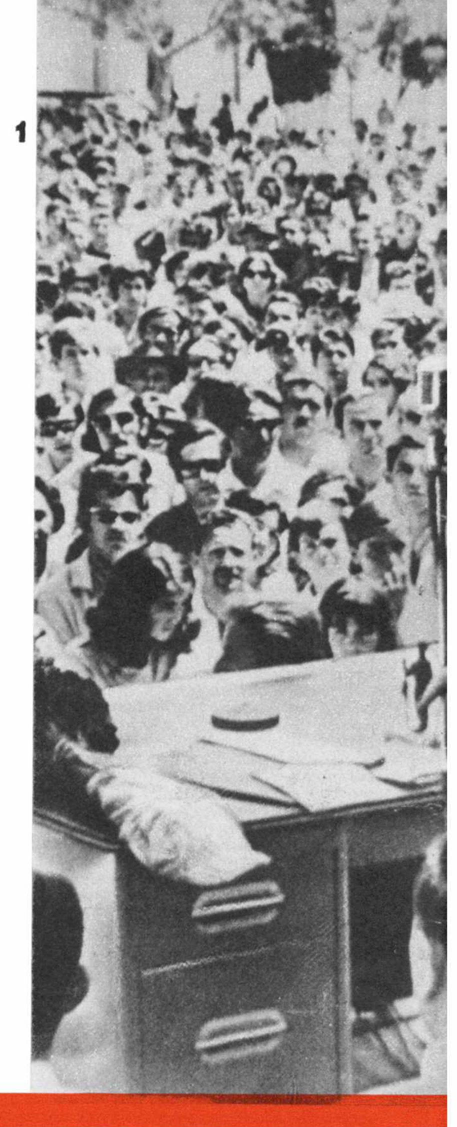
— С луны,— отвечает он почти серьезно и садится.— Слава богу, наконец-то я нашел вас! Что это за бегство из Женевы, дорогая? И ваше письмо...

Роз задыхается от счастья. Это просто чудо — Жан в Давосе!

— Я сама себе не верю,— говорит она тихо; и покорно подставляет Дюроку губы, когда он наклоняется ее поцеловать.

Продолжение следует.

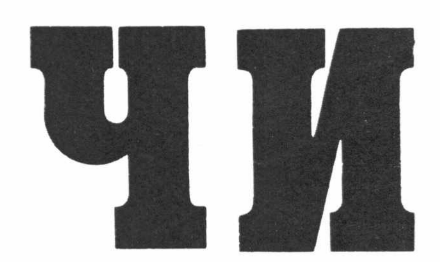
1

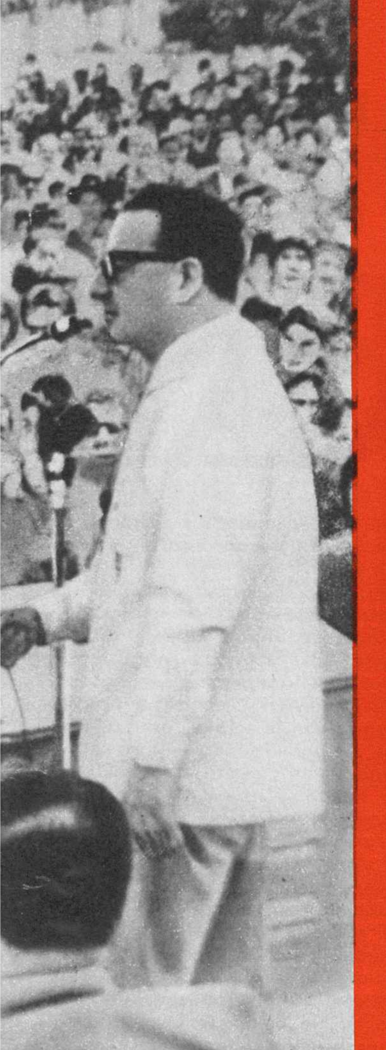

3

Марио Серда ГУТЬЕРРЕС

СТРАН НОВОЙ И ЧИ

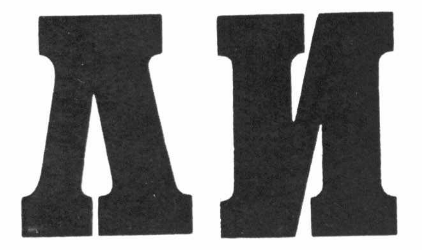
2

4

ИЦЫ
СТОРИИ
ЛИ

«ПРЕНСА ЛАТИНА»
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

1

Сальвадор Альенде выступает на общенациональном митинге трудящихся меднорудной промышленности. Эти люди выразили полную поддержку решению правительства осуществить национализацию жизненно важной для Чили отрасли производства.

2

Земельный вопрос — один из самых острых, доставшихся в наследство правительству блока Народное единство. Решение правительства Альенде о проведении аграрной реформы встретило сопротивление крупных землевладельцев. В южной провинции Каутин они пытались помешать осуществлению реформы. Однако крестьяне при поддержке правительства занимают пустующие помещичьи земли, организуют на них кооперативы по совместной обработке земли. На снимке: рабочие поместья Тапиуе провинции Сантьяго вывесили лозунг, призывающий к проведению аграрной реформы.

3

В руках у ребятишек кружки с молоком. С начала этого года по решению правительства детям до 14 лет, а также беременным женщинам каждый день выдается бесплатно поллитра молока.

4

Эта девушка сегодня вместе со своими ровесниками с огромным энтузиазмом участвует в добровольных работах на благо родины.

Фото «Пренса Латина», АПН и журнала «Ви увриер».

«Я видел на загорелых, почерневших лицах старых шахтеров слезы радости. Столько раз им раздавали обещания, которые смогли осуществиться только сейчас. Потому что у власти стоит ваше правительство, правительство народа». С этими словами президент Республики Чили доктор Сальвадор Альенде обратился к горнякам угольной шахты в Консепсьоне вскоре после того, как был обнародован декрет о национализации компании «Лота-Швагер». Ее деятельность в прошлые времена олицетворяла один из самых мрачных символов капиталистической эксплуатации: огромные прибыли, получаемые магнатами Кусиньо и Швагерами, были обильно политы потом и кровью рабочих и стоили жизни тысячам шахтеров, ставших жертвами рудничного газа. Но времена изменились. Этот рудник, как и другие, стал собственностью государства. Его директором был назначен сорокалетний шахтер Исидоро Карильо.

Правительство доктора Сальвадора Альенде шаг за шагом осуществляет прогрессивную программу преобразований, несмотря на все препоны со стороны правой оппозиции. Претворение в жизнь любого мероприятия правительства крайне осложняется тем, что все социально-экономические реформы проводятся, и это неоднократно подчеркивал президент Альенде, в рамках буржуазно-демократического строя.

Иностранцев, которые прибывают в Чили, в первую очередь удивляет то, что страна не стоит на пороге гражданской войны или финансового, экономического кризиса, как об этом трубит «большая пресса» капиталистического мира.

В области экономики в первую очередь важную роль играет национализация медных рудников, которые приносят 78 процентов всех валютных поступлений страны и находятся в основном под контролем американских компаний «Анаконда», «Кеннекот» и «Серро». Президентом Сальвадором Альенде уже внесен в парламент проект реформы конституции, который позволит национализировать меднорудные богатства страны — основу чилийской экономики.

Правительство резко ускорило темпы проведения аграрной реформы. Полным ходом идет экспроприация латифундий. Политика Альенде пользуется единодушной поддержкой миллиона безземельных крестьян, включая 400 тысяч индейцев мапуче — арауканов, которых веками грабили латифундисты.

В то же время аграрная политика нового чилийского правительства благоприятствует 200 тысячам мелких и средних собственников: организована сеть оптовых баз по закупке у них сельскохозяйственной продукции, им оказывается техническая помощь.

Правительство доктора Альенде установило жесткий контроль над ценами и приняло другие меры, чтобы положить конец инфляции, которая прежде всего била по карману трудящихся. Впервые в истории страны народное правительство проводит политику дифференцирования в области заработной платы.

Наряду с инфляцией, доставшейся в наследство от прежних режимов, до сих пор серьезной проблемой остается безработица: ведь прежде здесь насчитывалось 400 тысяч безработных! Как заявил доктор Альенде, еще потребуется какое-то время для того, чтобы разрешить и эту проблему с помощью мер, предпринимаемых правительством.

Чтобы убедиться, какие коренные изменения произошли в стране уже за первые месяцы пребывания у власти народного правительства, нужно побывать в малообжитых районах на севере, где находятся месторождения меди, железа и селитры, или посетить центральную часть, юг страны. Здесь вы увидите своими глазами новую жизнь крестьян, индейцев, рабочих семей, где детям бесплатно раздается молоко. Побывайте среди студентов, которые вместе с молодежью из других стран, обучающейся в Чили, добровольно выполняют сегодня большую работу в тех уголках страны, где пока отсутствуют школы и больницы.

Простые люди высказывают полное одобрение прогрессивному курсу правительства доктора Сальвадора Альенде, за программу которого чилийский народ голосовал 4 сентября 1970 года.

Фото А. БОЧИНИНА.

ГЛАВНЫЙ АРКАДИЙ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

— Нам надо иметь программу факторного анализа, перевести ее на математический язык алгоритмов и тогда создавать модель оптимального режима.— Человек поднялся из-за стола, шагнул на середину комнаты, и тогда бросилось в глаза, как он атлетически сложен, как могучи, широки его плечи.— Вы знаете, сколько времени готовилась программа для отбора летчиков? Два года.

— Мы уверены, Аркадий Никитович, что сумеем справиться,— не сдавался посетитель.

Этот весьма специальный диалог, невольной свидетельницей коего я оказалась, происходил не в каком-либо академическом институте или промышленном министерстве, а в организации, далекой от математики,— в комитете по физкультуре и спорту. Таков уж удел двадцатого века: вторгаться во все сферы общества и деятельности человека радиоэлектроникой, кибернетикой, всеми новейшими достижениями науки и техники. Само собой разумеется, что это ни в коем случае не предполагает появления механических спринтеров или пловцов-роботов. Но выявить физические, пока еще плохо изученные, поистине неиссякаемые возможности человека, раскрыть его физическую силу и красоту доступно лишь первоклассно вооруженной науке. Вот почему современному спорту необходим тесный союз медицины с математикой и физикой, химией и биологией. Вот почему в комитете создано специальное управление по руководству научно-исследовательской работой и учебными заведениями. Во главе управления стоит ученый, недавно защитивший докторскую диссертацию, Аркадий Никитович Воробьев, в недалеком прошлом знаменитый спортсмен. Многочисленные поклонники и болельщики знают, что имя это вписано в историю отечественной и международной тяжелой атлетики, что оно гремело на Олимпийских играх в Мельбурне и Риме, что это ему, Аркадию Воробьеву, рукоплескали Париж и Вена, Стокгольм и Нью-Йорк...

...Нью-Йорк. Знаменитый «Медисон-сквер-гарден». Здесь Воробьев встретился с Дэвидом Шеппардом, своим главным соперником. Судейская коллегия была вынуждена признать победителем советского спортсмена. Потом он побил и Шеппарда и всех остальных претендентов на XVII Олимпиаде. У древних стен Капитолия Аркадий Воробьев установил новый мировой рекорд в троеборье — 472,5 килограмма.

Да, все это было как будто совсем недавно. А кажется, что давным-давно: так много событий произошло за эти десять лет.

— Не хотите ли кофе?

Я в гостях у Аркадия Никитовича. Пока на кухне уютно журчит кофемолка, изучаю кабинет радушного хозяина. Книги, книги, книги... От пола до потолка. Хотела бы пригласить сюда тех, кто по инерции утверждает, что спорт и интеллект несовместимы! С книгами приятно согласуются спортивные кубки, призы, подарки и сувениры. Не ради стереотипного украшательства они здесь или страсти к коллекционированию, а по полному праву. И как бы в подтверждение тому целая полка серванта заполнена золотом медалей. Семь раз Воробьев был чемпионом мира, много раз чемпионом страны. Тут же деревянный стетоскоп и никелированная коробочка со шприцем — непременные атрибуты любого медика. А что это за причудливая длинная цепь из канцелярских скрепок с овальной, вручную кованной медалью? На медали выгравирована штанга, только на грифе ее не многопудовые диски, а две книги, и под ними надпись: «Вес взят!» Разъяснение сему читаю на обороте: «Кандидату медицинских наук А. Н. Воробьеву». И дата — «1962 год».

На нижней полке серванта — картонные ящики, забитые аккуратно надписанными карточками: каталог зарубежной и отечественной литературы, которую он читал и обобщал. К этому бы прибавить еще собственные публикации, изданные в СССР, США, Швеции, Венгрии, Болгарии, Польше!.. Их более сорока. Это я видела в списке, прилагаемом к докторскому автореферату.

Мое внимание привлекли массивные золотые часы. На крышке их значилось: «От Министра обороны СССР». Это за участие в войне.

— А, вас заинтересовали регалии? — спросил Аркадий Никитович, ставя на низенький столик чашечки с дымящимся кофе.— Все это в прошлом.

Только потом, позже, дошел до меня смысл мимоходом брошенных им слов. В ту минуту я даже испугалась, не утратил ли он интереса к спорту, и осторожно завела разговор об этом.

— Сколько себя помню, я всегда любил спорт, восхищался людьми, обладающими большой физической силой. Они казались мне сверхъестественными, исключительными во всех отношениях. Это еще с детства. От отца. Его брат, сапожник Иван, и отец были первыми богатырями на деревне. Родился я на Тамбовщине. Когда выходили деревни стенка на стенку, то наши всегда побивали соседей, потому что братья лихо дрались в кулачном бою. Ну, а я мальчонкой в футбол гонял, в волейбол играл, на лыжах и коньках бегал. Когда родители переехали в Тетюши, маленький городишко в Татарии, решил Волгу одолеть. Переплыл! Лет четырнадцать мне было. А со штангой свел меня флот. Служил на Черном море матросом. Там и стал участвовать в соревнованиях.

— Как же вы попали на медицинский факультет?

— К тому времени, когда демобилизовался — это было в сорок девятом,— я понял: жить без спорта не смогу. Хлебнул уже от чаши, участвуя в первенствах СССР. И все больше задумывался: почему один человек способен на такое, а другой не может? Почему при всех равных данных один срывается, а другой выигрывает? Ответ на эти вопросы, думал я, может дать медицина. Она ближе всего к спорту.— Аркадий Никитович взял чашечку в руки, отпил.— Законченного среднего образования у меня не было. Ушел в армию в сорок третьем из десятого класса. Поэтому решил работать, а вечером учиться. Из Севастополя махнул в Свердловск. Почему на Урал? Нет, там никого у меня не было. Просто Михаил Иванович Фоминых, свердловский тренер, посоветовал... Через год я уже был в вузе.

РЫВОК Я ВОРОБЬЕВА

— А дальше?

— Окончил институт, поступил в аспирантуру, на кафедру нормальной физиологии. Заведовал ею большой ученый — эрудит и просто очень хороший человек,— профессор Николай Константинович Верещагин. Он помог мне определиться и в диссертационной работе. После защиты кандидатской диссертации, в шестьдесят третьем, прошел по конкурсу заведующим кафедрой тяжелой атлетики Центрального института физкультуры и спорта в Москве. Вот и вся история.

— Нет, еще не вся,— не согласилась я.— Только одна грань ее, первый том. А не знаете ли вы, что стало с вашим бывшим соперником — Шеппардом?

— Когда я был три года назад в Мехико, передавали мне, что дела у Дэвида плохи. С помоста он сошел давно, в Америке интересуются спортсменами до тех пор, пока они в силе, а потом о них забывают. Говорили, что бродяжничает где-то. А ведь как начинал, какая была у него, казалось, карьера! Мальчишкой снимался уже в Голливуде. «Тарзана» помните? Дэвид играл его сына, гибкого и ловкого. Необыкновенно одаренный он от природы человек. И вот такой грустный конец! Впрочем, Дэвид не исключение. Негр Джон Дэвис, который столько лет умножал славу команды США, стал... тюремным полицейским. Бергер, мельбурнский чемпион мира в полулегком весе, запил. Неизвестно, какая участь постигла бы и красавчика Стенли Станчика, оказавшегося за бортом компании Боба Гофмана, покровителя американских тяжелоатлетов. Но Стенли, будто являя собой эталон американского образа жизни, приглянулся миллионерше, и та вышла за него замуж. Остался верным спорту японец Томас Коно, выступавший от США: он тренировал команду к Мексике, а потом перекочевал из Америки в Европу, тренирует команду ФРГ.

— Вы ведь тоже были старшим тренером сборной СССР?

— На общественных началах, работая на кафедре.

— Итак, сколько же вы лет отдали спорту?

— Считайте с сорок шестого года, с тех пор, как стал заниматься тяжелой атлетикой.

Четверть века! Вот где — в сражениях на помосте, участвуя в них сам, анализируя и изучая поведение свое и спортсменов, черпал Воробьев богатейший материал для своих исследований, оказавшихся чрезвычайно важными для тяжелой атлетики и спорта вообще.

Аркадий Никитович по моей просьбе достает из письменного стола толстую — 619 страниц — рукопись: «Медико-биологические основы тяжелоатлетического спорта». Так называется докторская диссертация, защищенная в Институте нормальной и патологической физиологии Академии медицинских наук СССР. Мелькают рисунки, таблицы, многочисленные ссылки на авторов, с которыми Воробьев соглашается или опровергает их (745 источников было им использовано!), совсем как в физике, приводятся формулы. Да, да, формулы, с математически точными коэффициентами и допусками. Из вступления узнаю, что различными методиками автором было обследовано 524 спортсмена: члены сборной, мастера спорта и спортсмены различных разрядов. Это позволило установить определенные закономерности в работе сердца, кровеносной системы, легких, нервно-мышечного аппарата, выяснить изменения энергетического и водно-солевого режима. Это, наконец, показало, как нужно вести тренировки, а в них — ключ успеха. При этом автор не поклоняется канонам.

Позже Воробьев сам мне в этом признался: «Чтоб двигать вперед науку, надо не приспосабливаться, а опрокидывать идущие вразрез с новыми данными старые представления, опровергать их. В этом, если хотите, мое кредо». И он «опрокидывал». Взять, например, систему тренировочного цикла. До Воробьева существовал взгляд, касающийся почти всех видов спорта, что тренировочные нагрузки надо непрерывно увеличивать по принципу «чем больше, тем лучше», и считалось, что в конце концов они трансформируются в высокие результаты.

— Я ставлю под сомнение эту теорию,— заявил Воробьев.— Я ставлю под сомнение само слово «трансформация»! Это же не вид энергии, которую можно, подобно электричеству, изменять, когда количество переходит в качество. Организм человека очень быстро приспосабливается к определенным нагрузкам — в этом особенность живых существ. Но совсем ни к чему задавать ему перегрузки. Это может привести к излишним затратам энергии и плохо сказаться на спортивных достижениях. Начинаются нарушения и со стороны психики. Даже такой выдающийся атлет и волевой боец, как Виктор Куренцов, обычно спокойный и уравновешенный, если доведет нагрузку до 37 тонн в неделю, становится неуживчивым и раздражительным. В тренировке важно найти оптимум. Он индивидуален для каждого человека и зависит и от внешних условий и целого комплекса других данных.

По своей системе А. Н. Воробьев готовил к Олимпийским играм в Мехико сборную СССР. На нашей памяти свежи еще замечательные ее итоги: «золото» Куренцова, Селицкого и Жаботинского, «серебро» Шанидзе, Беляева и Тальтса.

— С позиций сегодняшнего дня я смотрю на систему тренировки пятидесятых годов, на свою собственную тренировку, как на безнадежно отсталую и безграмотную. Мои чемпионские 472,5 килограмма в троеборье — давно пройденный этап. Слабаками мы были! — Аркадий Никитович порывистыми шагами меряет свой кабинет.— Уралец Василий Колотов набрал 540 килограммов. Предел ли это? Конечно, нет. Только наука может ответить на этот вопрос. Тренировочный цикл должен покоиться на научном анализе.

Воробьев стоял возле своего домашнего музея, повернувшись к нему спиной. Ну, конечно, с высоты семидесятых годов, обозревая вехи, когда «слабаками мы были», он не может больше радоваться блеску собственных медалей. Оттого и не любит вспоминать Воробьев свое былое. Молчу о прошедшем и я. Настоящее куда интереснее. Что это, например, за опыты с гипервентиляцией, которые он ставил на себе, и кто такой Карпман?

Оказывается, Виктор Львович Карпман, профессор, доктор медицинских наук,— один из ведущих физиологов спорта. К тому же научный консультант его, воробьевской, диссертации. И вот сам диссертант дерзнул спорить с консультантом. А все из-за гипервентиляции. На разговорном языке это означает глубокие вдохи и глубокие выдохи. «Дышите глубже, глубже!» — гипнотизирующе рокочет утром диктор по радио.

— Чепуха! Вовсе не следует во время зарядки акцентировать внимание на нашем дыхании! — со всей, на какую он только способен категоричностью восклицает Воробьев.

Однажды, когда он подымал штангу, с ним произошло что-то непонятное: потерял сознание, и штанга с грохотом покатилась. Тогда он не мог найти объяснения. Оно пришло много лет спустя в лаборатории. Облепленный приборами, которые одновременно чертили электрокардиограмму, фонокардиограмму и сигмограмму, он делал несколько глубоких вдохов и выдохов и напрягался, будто подымал тяжесть. И каждый раз происходило то же самое, уже знакомое: все на какой-то миг меркло, и он будто проваливался в бездну. В то же время без предварительной гипервентиляции потеря сознания не наступала. Такие опыты он проделал на себе десятки раз. Карпман утверждал, что в какой-то миг останавливается сердце. Воробьев с ним не соглашался. Обмен веществ миокарда действительно резко меняется, но сердечная мышца, как показывают приборы, продолжает сокращаться. Зато изменяется тонус сосудов, будто их перехватили зажимами. Кровь не успевает поступать в головной мозг, и сознание пропадает. С такими явлениями сталкиваются и подводники и летчики на выходе из пике.

Это, казалось бы, частное наблюдение привело к обобщающему заключению. Работа Воробьева показала, что глубокое, частое дыхание вредно для людей с больным сердцем, страдающих сердечной недостаточностью...

Соискателю докторской степени на ее защите было задано много вопросов. Послушать Воробьева приехали ученые из Ленинграда, Киева, Свердловска. По поводу гипервентиляции разгорелась даже дискуссия. Потом кто-то спросил, не собирается ли он, Воробьев, продолжить свои исследования и заняться, в частности, изучением водно-солевого обмена. Аркадий Никитович отвечал, что ему сейчас пока очень трудно сочетать работу в комитете с научной, но тем не менее он пытается это делать.

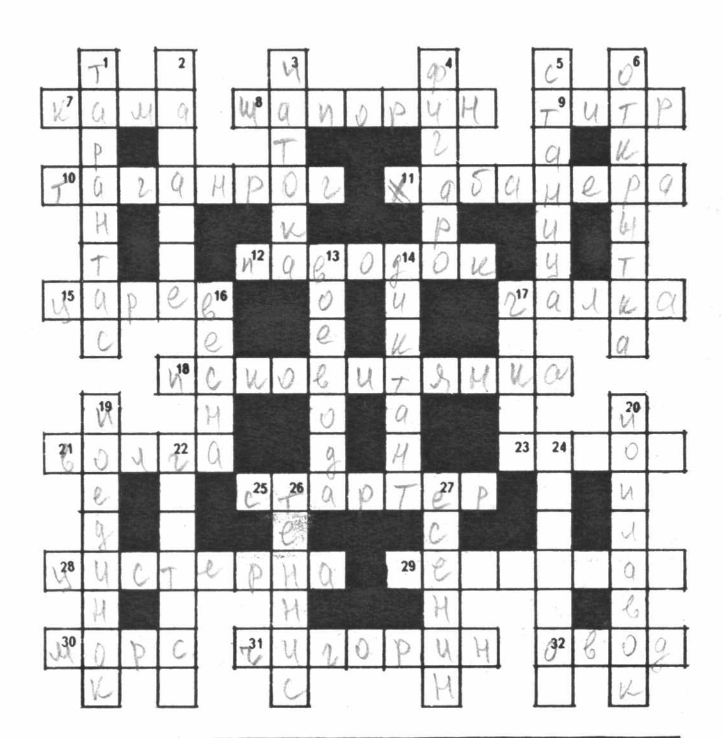
Что же касается оценки всей диссертации, то достаточно сослаться на отзыв одного из официальных оппонентов. Известный ученый академик Василий Васильевич Парин, дав глубокую характеристику отдельным главам, заключил: «Рецензируемая диссертация представляет собой фундаментальный научный труд, выполненный на высоком методическом уровне». А доктор наук по психологии Филипп Генов (Болгария) показал, как авторитетны теоретические исследования А. Н. Воробьева за рубежом, как вынуждена считаться с его мнением Международная федерация тяжелой атлетики.

...Прощаясь, я спросила Аркадия Никитовича: не подсчитывал ли он когда-либо, сколько центнеров железа перетаскал за шестнадцать лет своего служения помосту? Целую гору, да? 20 тысяч тонн! Да, немало... Однако не находит ли он, что главный в своей жизни рывок совершил здесь, в своем кабинете, за письменным столом?

— Да, но еще остался толчок — третье слагаемое классического троеборья,— улыбнулся Воробьев.— Мы учимся управлять спортивной формой, но еще очень плохо знаем физические возможности человека. И это касается не только спортсменов. Дело в том, что научно-техническая революция, происходящая сейчас, сопровождается снижением двигательной способности людей, особенно в высокоразвитых в промышленном отношении странах. Так называемая «гипокинезия» (малоподвижность) влияет на здоровье, способствует возникновению специфических заболеваний. В этих условиях спорт и физическая культура — важное профилактическое средство. Вот почему так выросло за последнее время значение спортивной медицины и физиологии спорта.

На письменном столе стопочкой странички с машинки. На одной из них заглавными буквами напечатано: «Кровообращение у тяжелоатлетов в условиях покоя». Что это? Глава из будущей книги?

Работа ученого продолжается...

КРОССВОРД

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Центральном Доме журналиста состоялась традиционная встреча редакционной коллегии и авторского актива журнала «Огонек» с читателями. Главный редактор А. Софронов рассказал собравшимся о работе коллектива огоньковцев, о планах и задачах редакции по претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС.

С интересом и вниманием были встречены выступления главного художника журнала И. Долгополова, поэта Льва Ошанина, редактора фотоотдела Д. Бальтерманца, корреспондента К. Барыкина, фотокорреспондента Л. Бородулина, писателя Ал. Азарова.

Во встрече приняли участие заместитель главного редактора Б. Иванов, редактор отдела внутренней жизни Л. Леров, редактор отдела художественной литературы Ю. Сбитнев, заведующая отделом писем Л. Мурашова.

Фото В. ПАВЛОВА.

По горизонтали: 7. Приток Волги. 8. Советский композитор. 9. Надпись в кинофильме. 10. Город в Ростовской области. 11. Испанский народный танец-песня. 12. Подъем воды в реке. 15. Народный артист СССР. 17. Птица семейства вороновых. 18. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 21. Марка советского автомобиля. 23. Стихотворение А. С. Пушкина. 25. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 28. Большой резервуар для хранения жидкостей. 29. Вид ивы. 30. Прохладительный напиток. 31. Русский шахматист. 32. Роман Э. Л. Войнич.

По вертикали: 1. Повозка. 2. Курорт в Италии. 3. Сахаристый продукт. 4. Герой комедии П. Бомарше. 5. Селение на Дону, Кубани. 6. Почтовое отправление. 13. Историческая драма А. Н. Островского. 14. Школьная письменная работа. 16. Время года. 17. Вулкан на острове Исландия. 19. Повесть А. И. Куприна. 20. Часть удочки. 22. Художественный прием в литературе и искусстве. 24. Картина В. Г. Перова. 26. Спортивная игра. 27. Советский поэт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 5. Достоевский. 8. Бинокль. 9. Стрепет. 12. Ситец. 14. Артек. 15. «Тоска». 16. Телетайп. 18. Скоморох. 19. Багратион. 22. Мастерок. 23. Калидаса. 24. Пенал. 26. Висла. 27. Рений. 30. Шоколад. 31. «Колокол». 32. Местоимение.

По вертикали: 1. Баталист. 2. Десятина. 3. Ворот. 4. Бисер. 6. Шидерты. 7. Теорема. 10. Циолковский. 11. Петрография. 13. Астрахань. 17. Планк. 18. «Стоик». 20. Берлиоз. 21. Цицерон. 24. Палантин. 25. Линолеум. 28. Колер. 29. Мосин.

На первой странице обложки: Абай Кунанбаев. К 125-летию со дня рождения (см. в номере «Подвиг Абая»).

Рисунок А. Лурье.

На последней странице обложки: Вертолет В-12. Идет погрузка.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

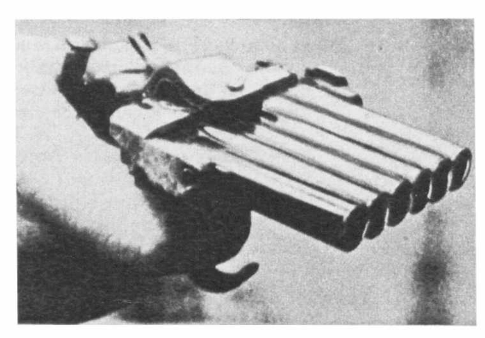
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

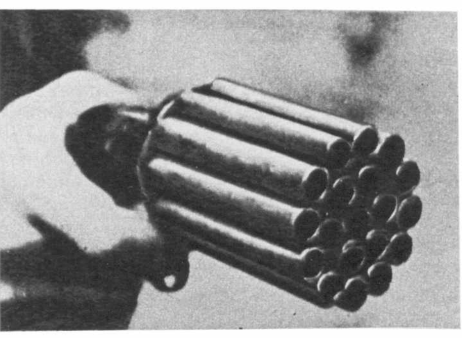
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/V-71 г. А 00562. Подп. к печ. 25/V-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1108. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1303.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КАРМАННЫЙ АРСЕНАЛ

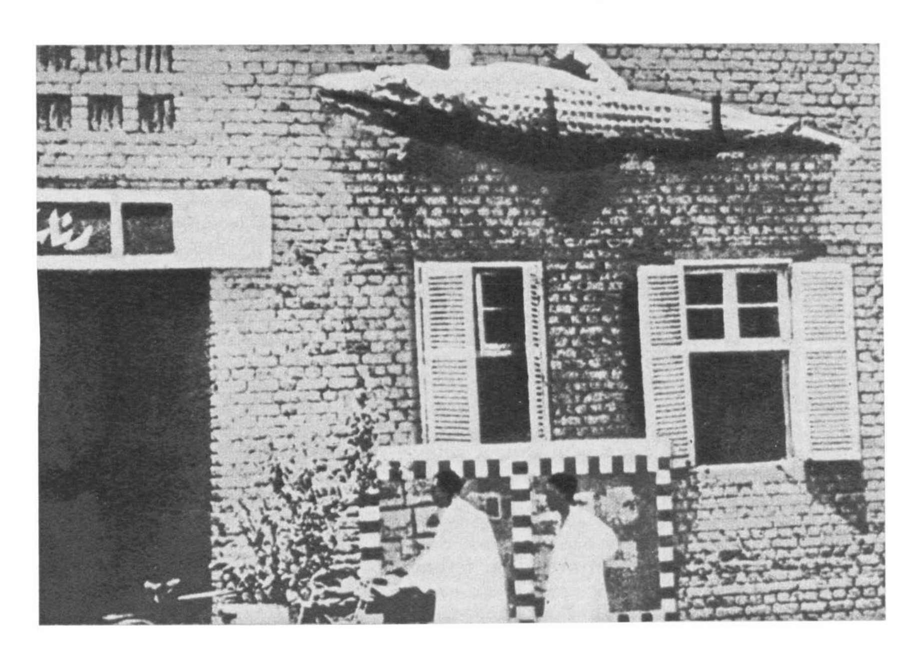

На состоявшемся в Лондоне аукционе старого огнестрельного оружия демонстрировались многоствольные пистолеты: шестиствольный, сделанный в 1875 году, и восемнадцатиствольный, изготовленный в 1840 году.

НАГЛЯДНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Этот случай произошел недалеко от Хартума (Судан). Крокодил заметил пробегавшую вдоль берега Нила собаку, погнался за ней и попал под грузовик. Из шкуры животного сделали чучело и повесили его на фасаде полицейского участка в назидание нарушителям уличного движения.

Без слов. Рисунок В. Тильмана.

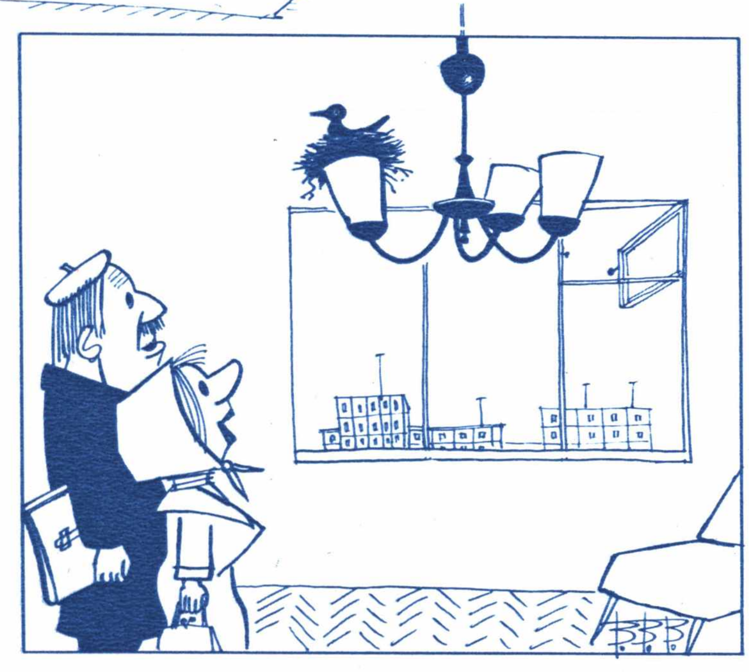
Анестезия. Рисунок В. Черникова.

Осторожно: «Новичок!»
Рисунок В. Владова.

— Успокойтесь, мама была моделью на конкурсе парикмахеров.

— Вот держишь все время форточку открытой...
Рисунки В. Воеводина.

Без слов.
Рисунок В. Черникова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.